

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

НИКОЛЯ БЁГЛЕ

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСЛАНИЕ

Запутанные обстоятельства и жестокость противника
заставляют детектива Грейс Кэмпбелл балансировать
между жизнью и смертью...

Лауреат премий Prix du Polar des Petits Mots
des Libraires и Prix du Roman Populaire

Николя Бёгле

Последнее послание

Серия «Иностраннный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66700890
Последнее послание: Центрполиграф; Москва; 2021
ISBN 978-5-227-09665-4

Аннотация

В отдаленном шотландском монастыре убит постоялец. Его тело изуродовано самым невероятным образом. Пятеро местных монахов знают погибшего только по имени – Антон. При этом всем известно, что он обзавелся тайным рабочим кабинетом, скрытым в стенах кельи. И здесь обнаружены странные научные материалы. От кого скрывался Антон? Какую истину искал? Почему его ликвидировали с такой варварской жестокостью? Расследование поручают инспектору Грейс Кэмпбелл. И для нее успех дела – единственный шанс вернуться в отдел расследования убийств, откуда ее отчислили за серьезный промах. Грейс пытается восстановить уверенность в себе, не подозревая, что на ее плечах лежит разгадка одной из самых головокружительных тайн человечества.

Содержание

1	5
2	12
3	22
4	26
5	32
6	43
7	57
8	65
9	72
10	80
11	85
12	90
13	100
14	106
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Николя Бёгле

Последнее послание

© XO Editions, 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

* * *

Моей замечательной жене Каролине, вместе с которой я надеюсь передать лучшее из посланий нашим столь же замечательным дочерям Еве и Жюльетте

1

Между ставнями на окне одного из невысоких каменных домов, стоявших на темной улочке, пробивался свет – неяркий, колеблющийся, но достаточный, чтобы обрисовать контуры прямоугольного окна с викторианскими колоннами по бокам.

Гораздо больше искусственного электрического освещения Грейс любила мягкость огня, зажигаемого ею при ежедневном пробуждении в три часа утра. Сидя на краю кровати в своей спальне, она любовалась пламенем фонаря, ожидая, пока оно выровняется.

От разминания затекших пальцев ног хрустнул паркет, и это заставило ее окончательно проснуться. Охваченная внезапной тревогой, она нагнулась открыть ящик ночного столика, но передумала и покачала головой. «Ты же знаешь, что он все еще там», – мысленно сказала она себе, взяла фонарь и встала у окна. Ветки скребли по стеклу, а позади них выделялся круг луны, висящей над высокой башней университета Глазго, которой Грейс несколько мгновений полюбовалась.

Затем, повесив фонарь на руку, как на крюк, она прошла в гостиную, с удовольствием чувствуя под ногами мягкий ковер, и понюхала воздух. Стены, за исключением одной, скрытой занавеской, были полностью заняты полками с книгами, наполнявшими комнату умиротворяющим запахом ста-

рой бумаги. Грейс обвела взглядом каждую полку, наслаждаясь молчаливым присутствием единственных друзей, которым дозволялось разделять с нею ее жизнь. Книжные полки висели даже на внутренней стороне входной двери, словно стражи ее дома.

Ступая осторожно, чтобы не разбудить соседей, Грейс включила одну за другой лампы в гостиной, погасила фонарь и, одетая в шелковую пижаму, скрывавшую ее формы, в шорохе ткани легла на ковер возле журнального столика, чтобы начать отжимания, которые заставляла себя совершать с профессорской строгостью. После нескольких месяцев занятий она стала застегивать поясной ремень на несколько дырочек туже. Это было важно для того, чтобы увеличить ее шансы успешно справляться с некоторыми требующими хорошей физической формы ситуациями, с которыми ей приходилось сталкиваться в ее работе.

Полчаса спустя она осмотрела себя в зеркале ванной комнаты. Выступившие красные пятна чрезмерно резко обрисовывали ее щеки и напоминали ей, что из-за ее круглой, сейчас влажной от пота физиономии некоторые грубоватые коллеги подшучивали над ней в недавние времена, когда она была толстухой. Сейчас, в тридцать два года, ее грудь сохраняла несколько избыточную пышность, а талия оставалась более женственной, чем модельной, как она иногда определяла в шутку. Кто-то мог сказать, что ей следовало бы сбросить еще два-три килограмма, тогда как другие нашли бы,

что она по-настоящему красивая женщина. Лицо ее было миловидным, а губы, уголки которых растягивали и приподнимали ямочки, привлекали взгляды не меньше, чем орехового цвета глаза, словно ласкавшие собеседника. Что касается пухлых прежде рук, они как будто вытянулись и приобрели неброское изящество.

Грейс наклонила голову набок, и длинные каштановые волосы соскользнули ей на шею. Она только что заметила на животе жировую складку большего, чем она могла вообразить, размера. Пожав плечами, она с иронией подумала, что у нее весомые формы.

Она на цыпочках вернулась в спальню и открыла гардероб. Справа – несколько платьев, джинсов и блузок темных тонов. Слева, словно солдаты в строю по стойке смирно, на вешалках застыли пять практически одинаковых брючных костюмов.

Она собралась выбрать один, прежде чем расположиться на диване с чашкой чаю и книгой, но прервала движение, не завершив его, и посмотрела на стену, противоположную ее кровати. Озабоченная, она осторожно приблизилась к перегородке. Опять начинается. Замерев, она слушала доносившиеся из-за стены приглушенные звуки. Рыдания. Мужчины. Это часто повторялось глубокой ночью в течение приблизительно года.

Что с ним случилось? Как он выглядит? Грейс этого не знала. Она никогда его не встречала, возможно, потому, что

распорядок дня обоих не совпадал. Но как и каждый раз, она прислонилась к стене. И в тишине, нарушаемой всхлипываниями неизвестного, запела колыбельную, слегка покачивая головой. Она не всегда попадала в ноты, но колебания ее груди передавались стене, а каждое слово, слетавшее с губ, она сопровождала взмахом указательного пальца. Пришедшая из детских воспоминаний нежная песенка рассказывала, как Мария просит ангелов позаботиться о ее сыне. Грейс часто напевала эту мелодию в самые мрачные моменты своей жизни.

Скоро всхлипывания за стеной стали реже, боль, кажется, улеглась, и ночь снова окуталась тишиной.

Грейс распрямилась с осторожностью матери, отходящей от постели своего заснувшего младенца, взяла один из костюмов, нацепила наплечную кобуру, оделась, пристегнула к поясу наручники, на указательный палец надела серебряное кольцо и присела на корточки перед ночным столиком. В этот раз она открыла маленькую дверцу, за которой скрывался сейф, отперла его, набрав кодовую комбинацию. Внутри лежали два предмета. Не притрагиваясь к пистолету, она с поспешностью, контрастировавшей с обычной размеренной неторопливостью ее движений, схватила кусочек красного бархата, развернула его и издала вздох облегчения. Ключ с двойной бородкой, какие используются в бронированных сейфах, был на месте. Грейс подержала его в руке и вернулась в гостиную. Отодвинула занавеску, висевшую между

двумя книжными шкапами, за которой скрывалась прочная металлическая дверь, совершенно непохожая на скромную входную. Грейс вставила ключ в замок, когда ее внимание привлек жужжащий звук вибросигнала мобильного телефона, от которого задрожали фигурки животных и несколько стопок книг на низком столике, где он лежал. Кто мог ей звонить в такой час?

Эллиот Бакстер. Ее начальник. Он не звонил ей, должно быть, целый год. Что ему понадобилось, да еще среди ночи? Она ответила на звонок, столь же любопытствуя, сколь и волнуясь.

– Всего два звонка. Вижу, ты не утратила своих привычек ранней пташки, – заметил он.

– Разве что я поднимаюсь ни свет ни заря не затем, чтобы раньше всех набить себе брюхо, а чтобы заниматься спортом.

– Ладно, ладно, рад тебя слышать, но буду с тобой откровенен, Грейс. Я звоню тебе потому, что под рукой не оказалось никого свободного, так что не строй иллюзий.

– Так же как я не строю их в отношении твоей деликатности, – ответила она без всякой агрессивности.

– Грейс, ты была превосходным детективом некоторое время назад, но ты, так же как и я, знаешь, что...

– Что когда ты перевел меня с понижением, я нуждалась в помощи больше, чем в том, чтобы меня задвинули на чердак? – договорила за него Грейс.

Но если Бакстер позвонил ей, то, возможно, потому, что

хотел поручить интересное дело. Лучше не начинать с ним перепалку. Во всяком случае, пока.

– С тех пор я пришла в себя, пережила случившееся, – произнесла она наконец. – Не будем больше об этом. Я тебя слушаю.

Эллиот Бакстер глубоко вздохнул.

– Убийство, – проронил он.

Грейс уловила в голосе своего начальника несвойственную ему нотку беспокойства.

– Труп обнаружен около часа назад в комнате, – продолжал Эллиот, – на лице следы побоев, череп проломлен и... По первым сведениям, из носа у него текла густая беловатая жидкость.

– Где это произошло?

Голос Грейс, доброжелательный и терпеливый, приглашал к откровенности. Как если бы она разговаривала с пугливым ребенком.

– В этом-то вся проблема.

Она услышала, как он облизывает губы и подыскивает слова.

– На острове Айона.

Как и все шотландцы, Грейс знала этот островок на западной окраине страны. Это место славилось своим спокойствием.

– Это случилось в деревне?

– Нет.

И только теперь Грейс начала понимать смятение своего начальника. Помимо поселка на этом острове существовало лишь одно человеческое жилище.

Место, в котором подобного рода вещи никогда не происходят.

Или не должны происходить.

2

Единственное человеческое существо на сотни километров вокруг, Грейс вела машину на средней скорости по узкой полосе асфальта, вившейся по окутанной туманом долине. Поднимаемые при каждом повороте столбы брызг вздымались водопадами, самые высокие из которых смыкались с низкими черными тучами. Время от времени одна из таких туч разрывалась о верхушки деревьев, открывая ряд каменистых горных вершин, напоминающих скелет древнего чудовища, которое разлеглось в своих владениях.

Грейс ловила моменты появлений этого гигантского скелета, чтобы хоть этим попытаться успокоить тревогу, не покидавшую ее с того момента, как она положила трубку. Конечно, Эллиот позвонил ей только потому, что все остальные детективы были заняты. Но, поручив это дело, он, возможно, давал ей единственный шанс доказать, что она может вернуться на должность детектива в отдел по расследованию убийств. На ту самую должность, с которой ее сняли в тот проклятый день, когда лишний вес, набранный за долгие годы, нанес роковой удар по ее карьере. В тот день, когда она не сумела задержать серийного насильника, которого, прилагая большие усилия и старания, ловила на протяжении года. Там, где другой оперативник продолжил бы преследование, она через несколько секунд запыхалась, и преступник

растворился в неизвестности; выйти на его след с тех пор так и не удалось. В результате этого провала Грейс была переведена с понижением в отдел по расследованию квартирных краж, где главная ее задача заключалась в опросе соседей, которые ничего не видели, и объяснении отчаявшимся потерпевшим, что полиция прилагает все усилия. Снедаемая сознанием вины, она поначалу примирилась с наказанием и прилагала сверхчеловеческие усилия для того, чтобы вернуть своему телу стройность. Эллиот Бакстер не обращал на это никакого внимания, игнорируя сражение, которое она мужественно вела против себя самой. После года, проведенного «на чердаке», она поняла, что больше этого не выдержит и уйдет из профессии, которая единственная придавала смысл ее существованию. Это неожиданно свалившееся на нее дело могло стать спасением или окончательным приговором, если она его провалит.

Грейс сделала глубокий вдох, прогоняя тяжесть, давившую на нее величиной ставки, и решила заново прокрутить в голове сведения, сообщенные по телефону Эллиотом Бакстером перед тем, как отправиться в пятичасовой путь.

– Что-нибудь известно об обстоятельствах убийства?

– Послушай, старшим там мой однокурсник по юридическому факультету. Парень крепкий, уравновешенный, но в данном случае на грани паники. Он едва мог говорить.

– А почему ты не связался с полицией острова Малл? Это же совсем рядом. У них там есть детективы.

– Он боится, что информация просочится в прессу, так как местные копы слишком хорошо знакомы с местными журналистами. Грейс, даже для имиджа Шотландии будет плохо, если происшествие получит огласку. Одно дело, когда подобное случается в квартале, населенном наркоманами, и совсем другое...

– Надеюсь, ты не рассчитываешь, что я помогу замять это преступление?

На сей раз в ее голосе появилось едва заметное напряжение.

– Нет. Но будет лучше, если ты не допустишь огласки до тех пор, пока не станет ясно, что же там все-таки случилось.

– О'кей. Ты уже послал группу из научно-технического отдела?

– Нет, ты первая. Я свяжусь с ними немедленно. И сообщу тебе номер телефона судмедэксперта, который будет заниматься делом.

– Что известно о личности жертвы?

Эллиот вздохнул:

– В том-то и дело, что ничего. Они не спрашивают документов у тех, кто к ним приходит, а я запретил копаться в его вещах, чтобы они не уничтожили следы.

– Что-нибудь еще?

– Нет, больше ничего. Хотя да. Надеюсь, в этот раз ты ничего не испортишь.

Через час горы расступились, открыв равнину, поросшую бурой травой, качающейся на морском ветру. Грейс приближалась к побережью и, когда на небе вырисовался силуэт стоящего на скале разрушенного замка, она наконец достигла маленького портового городка Обан, где оставила свою машину и села на первый же паром, идущий на остров Малл, – обычный маршрут, чтобы попасть на Айону – далекую младшую сестру Малла. Потом ей пришлось пересечь остров на автобусе, чтобы попасть в скромный порт Финфорт и там занять место на последнем в ее путешествии судне, скоро отчалившем от берега.

Облокотившись о леерное ограждение, Грейс взяла свой завибрировавший мобильный. Эллиот прислал ей контакты Уолласа Мюррея, судмедэксперта, добавив, что тот уже в пути и прибудет на место следом за ней. Только теперь Грейс обратила внимание на то, что сейчас всего лишь начало девятого, а ей казалось, что она прожила полный день.

Морской ветер развевал ее длинные волосы, лицо кололи капли воды, а она всматривалась в очертания приближающегося острова Айона. По ее прикидкам, остров имел больше пяти километров в длину и от двух до трех в ширину. Угадывалась небольшая группа домов, построенных у края воды. Их стало лучше видно потому, что усилившийся ветер разогнал скопление туч, чтобы дать дорогу солнечному лучу, который робко осветил белые стены и шиферные крыши, выстроившиеся вдоль берега, и на короткое мгновение при-

внес жизнь в вечную серость.

– Отсюда вы его не увидите.

Грейс повернула голову к мужчине лет сорока, облокотившемуся о ограждение возле нее. Его красная вязаная шапка была глубоко надвинута, пряди седых волос развевались вокруг костлявого лица.

– Да, я знаю, он по ту сторону холма.

– Однако среди осени гости сюда забираются редко. А еще реже одинокие женщины.

Грейс не хотелось показаться невежливой, но она не собиралась излагать причины своего приезда мужчине, все еще удивлявшемуся, что женщина может путешествовать одна.

– Какое удачное совпадение, – ответила она, глядя на него с доброй улыбкой, от которой ее глаза сузились. – Я как раз намеревалась побыть в покое и одиночестве.

Мужчина явно ожидал другого ответа и на мгновение замер с открытым ртом, прежде чем заговорить вновь:

– В покое-то в покое, но кто знает, что происходит за этими стенами, когда туристы уезжают.

Порыв ветра хлестнул море. Грейс подняла бегунок молнии своей паркы. Мужчина бросил на нее насмешливый взгляд.

– Ну, не беспокойтесь. С такими щеками вы не замерзнете.

Потом отошел от ограждения, презрительно махнув рукой.

Грейс почти не удивилась сарказму со стороны этого тощего человека, который должен был завидовать ее хорошему здоровью.

Тут она заметила, что судно прибавило ход. Удары волн стали сильнее, ласковый ветерок сменился агрессивными порывами. Она услышала, что за ее спиной пассажиры переговариваются с некоторым волнением. Все взгляды были устремлены на небо. А там зловещие черные тучи приближались форсированным маршем. В рулевой рубке капитан тревожно поглядывал наверх из своего укрытия. Он дал гудок и приказал всем сесть.

Первые капли разбились о палубу в тот самый момент, когда судно причалило к берегу. Кораблик сильно раскачивало, его корпус со зловещим скрипом ударялся о пристань. Капитан торопил десяток пассажиров поскорее сойти на берег, когда на остров обрушился ливень, стуча по курткам и пальто, трепля волосы и заставляя судно раскачиваться еще сильнее.

Грейс глубже надвинула капюшон, спрыгнула на причал и прямо перед собой заметила мужчину в красной шапке. Наклонившись вперед, чтобы представлять меньшую мишень для косо хлеставшего ливня, она пошла прямо вперед и слегка толкнула попутчика. Стоявший у края и занятый борьбой с ветром, он потерял равновесие. Грейс в последний момент схватила его за руку и не дала упасть в ледяное море, кипящее в двух метрах ниже.

Растерянный, в шоке от страха, бедняга уставился на Грейс.

– Прощу прощения! – крикнула она, перекрывая рев мощных волн, разбивавшихся о берег. – Мои щеки закрыли мне обзор, и я вас не заметила.

Она улыбнулась, поправила ему пальто и решительным шагом направилась к единственной улочке крохотного порта. Через минуту все пассажиры разошлись, и Грейс осталась одна под проливным дождем. Порывы ветра состязались друг с другом в силе рева, а с неба низвергались потоки воды, погружая остров во мрак, как при солнечном затмении.

На земле уже образовались лужи и, перепрыгивая через них, Грейс прошла по улице к дорожке, взбиравшейся на холм, господствующий над городком. Установленный в начале тропы плакат извещал, что в ненастную погоду пользоваться этим путем запрещается. Но Грейс не могла себе позволить роскошь дожидаться окончания бури.

Она оставила предупреждение позади и, несмотря на прилипавшую к ботинкам грязь, пошла дальше, стараясь, насколько возможно, уклоняться от струй дождя, размывавших дорогу и делавших ее скользкой. С блестящим от воды лицом, несмотря на то что она втянула голову в плечи, Грейс поднялась по тропе до вершины холма. Ветер завывал все сильнее, прижимая мокрую траву к земле, а промокшую одежду к телу. Струи дождя попадали в рот, стекали по шее.

Она продолжала идти вперед, но видела не дальше, чем на два метра, и только в самый последний момент по разбивающимся внизу о берег волнам догадалась о наличии идущего вдоль тропы обрыва.

Она попыталась ступать осторожнее, но более сильный, чем остальные, порыв ветра резко бросил ее вперед. Она упала и покатила вниз по склону, такому грязному, что он казался пропитанным маслом. Цепляясь руками за землю, Грейс никак не могла остановить свое скольжение. Она закричала от ужаса. В нескольких метрах ниже ей ответила бездна, разинувшая свою пенную пасть, утыканную острыми скалами, готовыми поглотить добычу. С яростью отчаяния она вонзила ногти в землю. Пальцы горели, кожа была содрана, но она все-таки остановила смертельный спуск. Медленно, осторожно она доползла до тропинки наверху, а оказавшись в безопасности, рухнула в изнеможении. Она осмотрела свои руки и облегчением убедилась, что ее раны – всего лишь царапины.

Вся в грязи, она лежала на земле до тех пор, пока не прошли вызванная страхом тошнота и боль.

Грейс, возможно, лучше, чем любой инспектор полиции, знала, почему занимается этим ремеслом, но в такие минуты борьбы она проверяла степень своей уверенности. Потихоньку восстановив дыхание, она с трудом поднялась на ноги и осмотрелась, прищурив глаза.

Отсюда она должна была увидеть место, куда направля-

лась, но дождь был таким сильным, что все поглотил в полумраке, и лишь изредка сквозь завесу ливня возникали бесформенные тени, которые тут же исчезали.

С удвоенным вниманием шагая по идущей под уклон тропинке, она наконец достигла ровного места и почувствовала под ногами широкие отшлифованные каменные плиты, между которыми бежали испуганные ручейки. Очень скоро они забрались в ее ботинки, комфорт которых превратился в пористую сырость. «Ну где же он? – потеряла она терпение. – Почему его до сих пор не видно?»

Словно в ответ на ее вопрос молния прочертила небо, а земля содрогнулась от грома. Грейс едва успела заметить каменную стену в нескольких шагах впереди. Она ускорила шаг, следуя вдоль ограды, и наконец на ее пути возникла табличка. Плохо видя из-за заливающей глаза дождевой воды, она только через несколько секунд сумела разобрать маленькие черные буквы: «Дорога мертвых».

Справа, за оградой, в той части острова, что плавно спускалась в направлении моря, она мельком увидела их призрачные очертания, искривленные, покосившиеся. Надгробья всех первых шотландских королей, в том числе и печально знаменитого Макбета, чьи скелеты лежали в земле более тысячи лет. Отведя взгляд, дрожа под мокрой и запачканной грязью паркой, Грейс ступила на эту мрачную дорогу. Она прошла мимо высокого кельтского креста, напоминающего фигуру худощавого человека, и его тень стала запол-

нять пространство. Она подняла голову и на мгновение остановилась, оробев от неожиданного предчувствия, от которого что-то сжалось в животе. Да, он здесь. Как и следовало ожидать. Здесь уже более тысячи четырехсот лет. Вдалеке от мирской суеты. Его мрачный каменный силуэт в форме креста, над которым доминировала средневековая квадратная башня. За этими стенами, стегаемыми ветром, ее ждал труп человека; там ее ждали возбужденные и перепуганные обитатели этого места.

Грейс снова наклонила голову и, сделав последние несколько шагов, совершенно вымотавшаяся, достигла резного портика и прочной стрельчатой двери Айонского монастыря.

3

Болевшими от холода и царапин пальцами Грейс взялась за висевшее справа от двери большое металлическое кольцо и трижды дернула за него. Молния разорвала мрак, и прямо над ее головой прогремел раскат грома, заглушивший звон колокольчика, сообщившего о ее приходе. Молодая женщина вздрогнула и снова дернула за кольцо, после чего уперлась лбом в свое запястье, а вода тем временем крупными каплями стекала с ее капюшона.

На мгновение ей почудилось, что снова зарокотал гром, но потом она поняла, что кто-то с трудом отпирает дверь изнутри. Наконец тяжелая, подбитая гвоздями дубовая дверь открылась.

– Скорее, входите, – поторопил ее приглушенный мужской голос.

Грейс шагнула через порог, и дверь за ней сразу закрылась со щелчком замка, который встречающий хотел сделать потише.

Она с трудом различала черты своего собеседника, лицо которого закрывал остроконечный капюшон. Единственный источник света – потрескивающий факел в руке монаха – отбрасывал тени, плясавшие на камнях сводчатого коридора. Дальше была различима серия арок, ведущих в сад монастыря. Перед каждой аркой с шумом низвергался поток дождя,

а ледяные сквозняки колебали пламя факела.

Воздух содрогнулся от нового удара грома. Тогда монах приподнял капюшон своей грубой шерстяной рясы и приложил палец к губам, призывая к молчанию. Ему было лет пятьдесят, седая, коротко подстриженная борода ожерельем доходила до начала волос на голове, таких же белых и коротко подстриженных. Грейс отметила круги у него под глазами и выпуклый лоб, который легко было себе представить положенным на ладонь его руки во время долгого чтения. Взгляд был встревоженным, казалось, он следит за происходящим вокруг.

– Грейс Кемпбелл, инспектор полиции округа Глазго.

Она сказала это тихим голосом, протягивая руку, спокойно и открыто.

Монах, казалось, обрадовался тому, что она следует его примеру и не шумит; он ответил на приветствие простым кивком.

– Я – аббат Кэмерон, это я звонил Эллиоту Бакстеру.

Поняв, что монах избегает физического контакта, Грейс сделала вид, что трет ладонь о ладонь, чтобы согреться, и вопросительно посмотрела на факел.

– Да, мне очень жаль... – прошептал аббат. – Буря оборвала электропровода. Но такие большие помещения, как наши, монастырские, факелы предков освещают лучше карманных фонариков.

Дрожащая от холода Грейс с удовольствием ощущала теп-

ло огня, напоминавшее ей успокаивающий огонек ее фонаря. Затем она тоже сняла капюшон, чтобы собеседник почувствовал больше доверия к ней.

– Вы разговариваете шепотом из почтения к месту или...
Аббат прикрыл глаза, словно собираясь с мыслями.

– Нет, не из почтения... В общем... да... и из почтения...
но...

Он подошел к Грейс, которая почувствовала кожей жар огня, ощутила запах горелого масла и шероховатость рясы, коснувшейся ее руки.

– Если бы видели, что он сделал... с этим милым молодым человеком, – шепнул он ей на ухо.

В его голосе она уловила глубокую печаль.

– Вы можете провести меня к телу? – спросила она.

– Подождите!

Неожиданно аббат схватил Грейс за руку. Его пальцы нервно сжали ее запястье, будто когти орла, ухватившего кость.

– Кроме брата Логана, обнаружившего тело, и меня самого, остальные монахи еще не знают, что случилось.

Аббат быстро обернулся, словно услышав за спиной какой-то звук. Грейс всмотрелась в глубину коридора, но никого не заметила.

– Также они не знают, что я вызвал полицию, – шепотом добавил он.

– Почему? – так же шепотом ответила Грейс, поморщив-

шись от боли, причиняемой ей хваткой аббата.

Не замечая, что делает молодой женщине больно, аббат прикусил волосы бороды, торчавшей возле его губ.

– Брат Логан обнаружил тело около двух часов ночи, а приблизительно в полночь наш жилец еще был жив, поскольку я лично разговаривал с ним. Значит, убийство произошло среди ночи. В это время все выходы из монастыря заперты. Взлома не было – я сам проверял. Ни дверей, ни ставней...

Монах отпустил руку Грейс, и она медленно расстегнула молнию парки, чтобы взяться за рукоятку пистолета.

– Я не могу в это поверить, – вновь заговорил аббат дрожащим голосом, – но убийца непременно кто-то из членов общины... и он еще здесь.

4

– Где остальные? – шепотом спросила Грейс, осматривая каменный коридор с большим вниманием.

Аббат не мог оторвать глаз от пистолета, который молодая женщина твердо держала в руке, направив ствол в пол.

– Господи, прости! В чем мы согрешили настолько, что заслужили подобное наказание...

Грейс положила свою руку на его, чтобы поддержать.

– Успокойтесь, брат Кэмерон. Теперь, когда я здесь, вы не один. Но если мы хотим уладить это дело наилучшим образом, мне необходимо, чтобы вы сохраняли хладнокровие. Хорошо?

– Да... простите, – ответил он, теребя висевшие у него на шее четки.

– Итак, где находятся остальные члены общины?

– Сегодня утром все братья находятся в скриптории, и каждый переписывает свой манускрипт.

– Сколько всего братьев?

– Нас пятеро. Монашеская жизнь в наши дни привлекает немногих...

– То есть в данный момент, исключая брата Логана, известившего вас, и вас самого, в монастыре находятся три человека, верно? Ни садовника, ни повара, ни другой услуги?

– Нет, мы все делаем сами.

– А другие постояльцы, кроме убитого?

Аббат Кэмерон, прикрыв на секунду глаза, покачал головой.

Грейс требовалось подкрепление, чтобы следить за выходами из здания. Но Эллиот Бакстер ясно сказал: никаких контактов с местной полицией. Ей оставалось только одно: вызвать из Глазго группу, которая доберется на место лишь через несколько часов. Тем более в такую непогоду.

Не ослабляя бдительности, Грейс быстро написала сообщение своему начальнику: *«СРОЧНО: подозреваемый, возможно, все еще на месте. Требуется подкрепление. НЕМЕДЛЕННО. Четыре человека»*.

– Вы можете проводить меня в комнату жертвы так, чтобы никто не заметил? – спросила Грейс, снимая с предохранителя свой «Глок-17».

– Логически да, поскольку комнаты постояльцев находятся в противоположной стороне от скриптория. Следуйте за мной.

Высоко подняв факел, аббат быстро пошел по коридору. Грейс за ним.

Профессия научила ее передвигаться бесшумно и быстро. Задевая правым плечом стену, держа пистолет стволом вниз, она шла на некотором расстоянии позади светового круга, образуемого пламенем факела. Они прошли через монастырь. Снаружи продолжал бушевать ливень и вздрагивала от раскатов грома земля. Порывы ветра устраивали во

дворе вихри, сквозняки дули в арки, чтобы скользнуть на каменные плиты коридора ледяными призраками. Грейс снова вздрогнула. То ли ветер забрался под ее промокшую одежду, то ли в нее начинал закрадываться страх? Полученный от Бакстера ответ не принес успокоения. *«Подкрепление в пути. Прибытие ожидается в течение часа на вертолете»*. В сильную бурю им ни за что не удастся попасть на остров в такой срок. Пока ей придется действовать в одиночку.

Аббат отпер еще одну стрельчатую дверь. Здесь не было выхода наружу, откуда в эту сырую часть монастыря мог бы попасть холодный воздух. Перед Грейс круглый свет факела выхватывал из темноты колеблющиеся очертания длинного коридора с обшитыми дубом стенами, прорезанными нишами с витражами, в которых стояли статуи с длинными печальными лицами.

Аббат запер за собой дверь на ключ, предварительно убедившись, что никто за ними не идет, и по отполированному за века каменному полу с рисунком шахматной доски двинулся вперед.

Молния на мгновение осветила коридор бледным светом, отбросив тени статуй на стены.

– Что вы можете мне сказать о погибшем? – спросила Грейс, воспользовавшись раскатом грома, чтобы заглушить звук своего голоса.

– Его зовут... звали Антон. Это все, что мы знали и что нам необходимо было знать. Ему было лет двадцать, у нас он

прожил около двух с половиной лет. Он помогал нам переписывать манускрипты, чтобы оплатить проживание. Справлялся он с этим очень ловко, но он был не просто работником физического труда. Он интересовался многими вещами, и я часто вел с ним продолжительные и очень содержательные беседы. Впрочем, он весьма хорошо знал Библию и другие религиозные тексты. – Аббат пожал плечами. – Он говорил, что надеется найти пути к объяснению того, чего наука не может понять. Наука была его призванием... Хотя я ничего в этом не понимаю. Мне он казался человеком блестящего ума. Хотя бы из-за его умения объяснить мне некоторые важные научные вопросы, до сих пор не имеющие ответа. Кроме того, я мог оценить его тончайшие познания в некоторых религиозных проблемах, в которых я совсем ненамного превосхожу его. В его рассуждениях было нечто завораживающее, – закончил он с задумчивым видом.

– Итак, вы его высоко ценили, – предположила Грейс, бросившая настороженные взгляды в направлении окон, через которые в коридор проникал серый свет.

– Да, это был необыкновенный человек.

– Возможно, ваши братья не так хорошо ладили с ним.

– Я не перестаю задавать себе этот вопрос и не вижу ничего, что позволило бы мне предположить, что один из членов нашего братства мог желать ему зла. Я никогда не слышал, чтобы он повздорил или хотя бы поспорил с одним из наших. И уж тем более чтобы он мог довести кого-то до совершения

такого жестокого преступления. Это какая-то бессмыслица.

Грейс слушала аббата внимательно и даже с некоторым сочувствием. Но, не исключая и такой возможности, она, где-то в дальнем уголке мозга, включила и этого человека в список подозреваемых. У нее было смутное предчувствие, что он рассказывает ей не все, что ему известно о жертве. Однако, возможно, она просто истолковала в дурном смысле монашескую стыдливость.

– Вот. Кельи, предназначенные для постояльцев, располагаются за этой дверью.

Они дошли до конца коридора, и аббат с трудом сдерживал дрожь своей руки, когда вставлял ключ в замок.

– Простите, я...

– Ничего.

Грейс оглянулась, мысленно спрашивая себя, насколько удалось скрыть происходящее от убийцы.

– Сколько еще времени монахи будут заниматься переписыванием рукописей?

– До десяти часов. Иными словами, еще час с четвертью, – ответил аббат, взглянув на наручные часы.

Наконец дверь открылась, а за ней появился новый сводчатый коридор, в которой выходило несколько комнат.

Аббат пошел первым, по-прежнему освещая путь факелом.

– Вторая справа...

– Как именно брат Логан обнаружил тело и в котором точ-

но часу это случилось? – спросила Грейс.

– Случайно. Обычно монахи сюда не заходят. Их кельи находятся в другом здании. Но когда брат Логан ночью, около двух часов с четвертью, встал в туалет, оказалось, что общий туалет в нашем корпусе уже занят. Подгоняемый нуждой, он, в порядке исключения, решил воспользоваться туалетом для постояльцев. И тогда он заметил, что дверь кельи номер два приоткрыта. Он вошел и...

Аббат замолчал. Слышно было лишь, как потрескивает горящее масло факела.

– Он здесь... за дверью.

Голос его был взволнован, как у человека, потерявшего друга.

– Никто, кроме вас и брата Логана, обнаружившего тело, не заходил в комнату?

– Никто. И мы ни к чему не притрагивались. Все в том же состоянии, в каком мы нашли помещение... и Антона.

Грейс надела латексные перчатки – она всегда держала в кармане жакета одну-две пары.

Аббат посмотрел, как она это делает, и несколько раз судорожно сглотнул.

– Если позволите, я бы предпочел, чтобы вы вошли туда одна, – пробормотал он.

Грейс понимающе кивнула, передала ему мокрую от дождя парку, взяла факел и толкнула дверь кончиками пальцев.

5

Ослепленная пламенем факела, Грейс не сразу разглядела келью в форме наконечника стрелы. Вход представлял собой наиболее широкую часть, а дальше комната сужалась до небольшого вытянутого оконца, перед которым стояло распятое. На одной из стен тесаного камня висела грубо сделанная полка; помимо нее меблировку составляли узкий рабочий стол перед окном, стул, сейчас опрокинутый, массивный дубовый шкаф и скромная кровать, половина простыней которой свисала до пола. Воздух был наполнен отвратительным запахом.

Грейс сдержала приступ тошноты. Она осмотрела постельное белье и скорее угадала, чем увидела, вцепившиеся в простыню пальцы, словно хотевшие ее сорвать. Рука, которую она разглядела, была изогнута, заломлена за спину, а тело лежало на холодных плитах пола. Сначала в пламени факела она увидела широко раскрытые глаза мертвого, потом его смертельно бледное лицо, посиневшие губы и голову, повернутую направо. На молодом человеке, очевидно, было ночное одеяние: широкие кальсоны и белая футболка с длинными рукавами.

Грейс опустила на корточки возле тела, стараясь дышать только ртом. И тут она четко увидела отеки под глазами, сломанный нос, свернутую набок, словно у испорченной кук-

лы, нижнюю челюсть, а главное – ту белесую, подкрашенную кровью субстанцию, что вытекла из носа и засохла на верхней губе.

Грейс коснулась пальцами затылочной части черепа, и рука ее скользнула по лужице желеобразной крови, которую она стерла своим прикосновением. Она ощупала заднюю часть черепа, и часть кости показалась ей мягкой и очень легкой. Жертва умерла от удара? Чтобы удостовериться, что ничего не пропустила, Грейс еще больше повернула голову мертвого. Она не обнаружила никакой другой раны, но была удивлена тем, как свободно голова повернулась набок, хотя уже должно было наступить трупное окоченение. Какой-то неизвестный ей биологический феномен или время смерти было более поздним, чем ей указали?

Грейс не нравилась эта ситуация. Если хорошенько подумать, она была одна в этом изолированном монастыре, где никому не могла доверять. Даже аббату Кэмерону, на первый взгляд столь сильно потрясенному убийством своего жильца.

Она повернулась к входной двери. Аббат шагал туда и обратно по коридору, перебирая пальцами четки. Успокоившись, она вставила факел в подставку, закрепленную на стене комнаты, убрала пистолет в кобуру и достала из внутреннего кармана жакета телефон. Она сфотографировала тело и комнату с разных ракурсов, стараясь взять крупным планом все видимые раны на теле жертвы.

Медэксперт не сможет сюда прибыть до окончания бури,

а если убийца все еще находится в монастырских стенах, он не замедлит догадаться о присутствии здесь полиции. И как он среагирует? Времени было в обрез. Хотя так было не принято, но она отослала снимки Уолласу Мюррею, сопроводив их сообщением:

«Время обнаружения тела: 2:15 ночи, по показаниям свидетеля. Первые выводы? Соображения относительно белой субстанции под носом? Отметить гибкость трупа при повороте головы и легкость черепа».

В ожидании ответа она начала осмотр кельи.

Учитывая опрокинутый стул, смятые простыни и, главное, состояние тела жертвы, не было никаких сомнений в том, что молодой человек пытался оказать убийце сопротивление. Эта борьба должна была произвести шум, но не достаточно сильный, чтобы встревожить монахов, спавших в противоположном конце монастыря.

Грейс открыла дубовый шкаф, где обнаружила кое-какую одежду, две пары обуви, пустой чемодан и паспорт, лежавший на этажерке. Он был выдан на имя Антона Сьюйака, родившегося 25 октября 1995 года в Эдинбурге. Она немедленно сообщила имя убитого Эллиоту Бакстеру, чтобы тот собрал все возможные сведения об этом человеке, который, судя по паспорту, ни разу не выезжал за границу. К текстовому сообщению она приложила фото жертвы.

Грейс закрывала шкаф, когда услышала голоса в коридо-

ре. А ведь аббат уверял, что в течение по меньшей мере часа сюда никто не придет.

Она подкралась к приоткрытой двери и прислушалась.

– Но вы ска... сказали, что... что присоединитесь к нам... и не... не идете!

Голос, хотя и принадлежал мужчине, был очень высоким; неизвестный говорил торопливо, со странным выговором.

– Брат Колин, я повторяю вам, что пошел за новыми сменными факелами, потому что буря продолжается.

– Я вас... я вас ис... искал по всему монастырю!

– Вы испугались, что я вас брошу? Но вы же знаете, что я никогда не сделаю ничего подобного.

Голос аббата имел теплый и обволакивающий тембр, но Грейс угадывала за этой внешней уверенностью страх.

– А почему у вас... у вас в руках кур... куртка вся мокрая?

Молодая женщина прикусила губу.

– Потому что я ходил проверить главный рубильник, который стоит снаружи, и вы это знаете, брат Колин. А теперь...

– А почему вы... вы... вы перед дверью постояльца Антона? Что... что-то случилось? И дверь откр... открыта. Да, его дверь открыта, и внутри свет.

Грейс застыла и готова была побиться об заклад, что аббат побледнел. В этот самый момент у нее в кармане завибрировал мобильный и прозвучало два звонка, прежде чем она успела сбросить вызов.

– Что... что это за шум? Эй! Антон, вы здесь?

– На сей раз довольно, брат Колин! – загремел голос аббата. – Как бы вы ни были взволнованы, я запрещаю вам подрывать мой авторитет. Немедленно возвращайтесь в скрипторий и просите у Господа прощения за оскорбление, нанесенное вами одному из его земных слугителей!

– О, простите... – простонал монах.

И его шаги стихли вдали.

Грейс вышла к аббату.

– Небольшая помеха. Вы что-нибудь нашли, инспектор?

– Пока нет. Кто этот брат? Почему он здесь?

– Брат Колин немного отстал в умственном развитии, и он впадает в панику всякий раз, когда не видит меня больше часа, – объяснил аббат. – Я не думаю, что он пришел сюда, потому что причастен к убийству. Думаю, он действительно всюду искал меня.

– Вы в этом уверены?

Аббат Кэмерон с глубоким вздохом покачал головой.

– Я уже ни в чем не уверен, инспектор. В конце концов...

– Убийца не всегда возвращается на место преступления, и, во всяком случае, это не происходит так быстро. Но с умственно отсталым человеком... Брат Колин ранее проявлял склонность к насилию?

– Нет, никогда! Даже в отношении животных.

– Вы можете мне поручиться, что он останется в скриптории вплоть до нового приказа?

– Да, он меня слушается и боится божественного наказа-

ния больше, чем любой другой из нас.

Грейс посмотрела на свой мобильный. Ей звонил Эллиот Бакстер. Она вернулась в келью и перезвонила ему, вставив в ухо наушник.

Ожидая, пока он ответит, она осматривала келью, в которой лежала рассыпавшаяся стопка научных журналов. Она пролистала их в поисках пометок или закладок, но не обнаружила ничего особенного. Зато она обратила внимание на листок бумаги, приколотый к висевшей на стене пробковой доске.

– Это Грейс, я была...

– Я отправил группу в Эдинбург по адресу, указанному в паспорте этого Антона Сьюяака, – перебил ее Эллиот Бакстер. – На данный момент на него ничего нет, он нигде не засветился. У него даже нет аккаунтов в соцсетях. Что еще ты обнаружила?

– Пока ничего конкретного, – ответила Грейс, пробегая взглядом текст на замеченном ею листке. – Убийца знал, что полиция рано или поздно придет, так что наверняка зачистил место преступления. Без экспертов я ничего не смогу обнаружить. Собираюсь допросить монахов, но, если мне удастся выявить убийцу, неизвестно, как он среагирует. Надеюсь, подкрепление скоро прилетит. Буду держать тебя в курсе.

– Дождись подкрепления, прежде чем начинать допросы.

– Нет, ты же сам знаешь: чем больше проходит времени,

тем больше убийца успокаивается и оказывается подготовленным к допросу.

– Для всех нас, и для тебя в первую очередь, будет лучше, если ты окажешься права.

– Послушай, Эллиот, о'кей, год назад я допустила серьезную ошибку, но, напоминаю тебе, я не новичок.

– Посмотрим.

И он положил трубку.

Грейс в нерешительности смотрела в потолок: расшибить телефон о пол? Дождаться подкрепления, как велел Эллиот? Перезвонить и послать его к чертовой матери? Вариантов было много, но она выбрала единственный правильный, по ее мнению: сохранять спокойствие и верить в себя.

Она взяла приколотый бумажный листок и увидела, что это расписание монастырских дел на неделю. Понедельник отводился садовым работам и уходу за кладбищем; вторник посвящался стирке; среда, то есть вчера, – уборке мест общего пользования; четверг, пятница и суббота – переписыванию манускриптов, а воскресенье – приготовлению пищи на неделю. Внизу была добавлена рекомендация: «Благодарим за скрупулезное соблюдение этого распорядка, что мы считаем очень важным для спокойного существования нашей общины».

Грейс вздохнула, возвращая листок на место, и оглянулась, чтобы окинуть взглядом келью. Что могло заставить этого молодого человека на такой долгий срок запереть себя

в этом затерянном монастыре?

По ее губам пробежала ироническая улыбка, и она воздела к небу свои большие глаза орехового цвета при посетившей ее мысли. Разве сама она не хотела бы поселиться здесь и спокойно жить только со своими книгами и маленькими привычками? Она охотно призналась себе, что месяц-два, максимум год в таком уединении ее, безусловно, привлекли бы. Но два с половиной года? Если Антон Сьюйак был так увлечен науками, как говорил аббат, он мог бы поступить в какой-нибудь колледж или университет. По крайней мере, найти место, где последние достижения науки были бы у него под рукой. А он обосновался здесь. Почему? Что он искал или, напротив, от чего бежал?

Грейс проверила телефон. Ответа от медэксперта по-прежнему не было. Снаружи, как она слышала, продолжался ливень. Она взяла факел и вышла в коридор. Аббат тут же подошел к ней широкими шагами.

– Ну что?

– Будьте добры, дайте мне ключ от комнаты жертвы, – шепотом попросила Грейс.

Аббат протянул ей всю связку.

– Вот этот, – уточнил он.

Грейс молча закрыла дверь, сняла с кольца нужный ключ и положила к себе в карман. Аббат, ничего не говоря, наблюдал за ней.

– Увы, – сказала она наконец, – пока что я не могу делать

никаких выводов. Зато вам, кто, похоже, хорошо знал Антона, должно быть известно, почему он так долго жил в вашем монастыре, нет?

Она слегка изменила интонацию голоса, сделав ее менее мягкой и более властной.

Аббат провел рукой по голове. Он явно был смущен.

– Похоже, этот вопрос вам неприятен, – заметила молодая женщина. – Вы действительно рассказали мне все, что знаете?

Он нахмурил густые седые брови, однако не посмотрел в глаза Грейс, которая вскинула голову и наклонила ее набок, показывая решительный настрой узнать правду в самом начале допроса.

– Когда он только приехал, я попытался расспросить у него, зачем он здесь, – начал аббат, – но он уклонился от ответа и сказал, что забрался в такую глушь именно для того, чтобы ему не задавали никаких вопросов. Я понял, что настаивать бесполезно.

– Как долго он намеревался оставаться в монастыре?

– Честно говоря, инспектор, у меня сложилось впечатление, что он никогда не уехал бы отсюда.

Аббат с сокрушенным видом прислонился к стене. В свете факела Грейс увидела блеск слез, собравшихся в углах его глаз.

– Кто мог совершить такое? И почему? Почему?

Услышав, что его голос надломился от волнения, монах

тут же взял себя в руки.

– Если Господь так решил, значит, у него были на то свои причины...

– Брат Кэмерон, – обратилась к нему Грейс, – мне нужно будет допросить всех монахов.

– Но если убийца решит, что разоблачен, он может совершить непоправимое...

– Если он умен, то никак себя не проявит, в противном случае... придется импровизировать, но это моя забота, а не ваша. Согласны? Вы ничего не должны предпринимать.

– Хорошо, хорошо...

Аббат перекрестился.

– Но прежде я осмотрю кельи. В том числе и вашу, – добавила Грейс, поджав губы, что должно было означать, что ей это очень неприятно, но выбора у нее нет.

Он бросил на нее куда более мрачный взгляд, чем она ожидала. Грейс не смутилась, терпеливо глядя на него большими глазами.

– Если вы полагаете, что это может помочь...

Телефон молодой женщины зазвонил снова. Она отвернулась, чтобы ответить.

– Грейс Кемпбелл? Это доктор Мюррей, – прозвучал хриплый голос.

– Спасибо, что перезвонили. Ну что?

– Инспектор, если я не ошибаюсь относительно природы розовой субстанции, вы имеете дело не с обычным убий-

ством. Далекo не обычным!

6

Грейс жестом попросила аббата подождать ее и закрылась в келье жертвы.

Дождь прекратился, и в комнату пробился унылый серый свет.

– Почему вы так решили? – спросила она медэксперта.

– Для начала я хотел бы кое-что с вами проверить. Судя по метеосводке, мое прибытие на остров задерживается. Если вы хотите продвинуться в расследовании, вам придется немного запачкать руки вместо меня. У вас есть авторучка?

– Да.

– Хорошо. Это не идеал, но, за неимением лучшего, проявим смекалку. Хочу вас предупредить, что занятие не очень приятное, но... вам, должно быть, приходилось сталкиваться с чем-то вроде этого.

– Да, я кое-что повидала... за время работы... всякое случилось, – ответила Грейс с легким неприятным предчувствием.

– Отлично. Вы находитесь рядом с телом?

Она присела на корточки.

– Да.

– Теперь вставьте авторучку в левую ноздрю жертвы. Продвигайтесь осторожно. Скажете мне, когда почувствуете сопротивление.

Грейс выполнила, скривившись от мысли, что то же самое могли проделать с ней самой.

– Ну что? – спросил медик.

Она уже ввела половину ручки и была удивлена, что импровизированный зонд продолжает погружаться дальше.

– Ничего... Ручка полностью вошла в ноздрю.

– Так я и думал... – пробормотал доктор Мюррей. – Аккуратно вытащите ее.

Грейс положила запачканную красноватой жидкостью ручку возле лица убитого.

– Что вы об этом думаете?

– Если вам удалось ввести зонд так далеко, значит, была сломана решетчатая кость, разделяющая носовую перегородку и мозг. Принимая во внимание внешний вид розоватой субстанции, обнаруженной вами под носом, с девяноста процентами вероятности можно предположить, что жертве сделали эксцеребрацию.

– Что?

– Что у нее удалили мозг.

Это известие в дополнение к запаху запекшейся крови и виду трупа вызвало у Грейс необходимость присесть.

– Инспектор?

– Да... Я вас слушаю.

– Возможно, убийца действовал так же, как бальзамировщики мумий в Древнем Египте. Он ввел в ноздрю металлический крючок, сломал решетчатую кость, а потом извлек

желеобразный мозг, быстро вращая своим орудием слева направо, вследствие чего мозг вытек через проделанное отверстие. Субстанция, засохшая под носом жертвы, наверняка является остатками мозга погибшего.

Теперь Грейс поняла, почему череп показался ей таким легким, когда она его поворачивала.

– С учетом следов на лице, которые я отметил на присланных вами снимках, – продолжал судмедэксперт, – допустимо предположение, что в момент эксцеребрации жертва была жива. Но это потребует более углубленного исследования.

Представив себе степень жестокости этой пытки, Грейс закрыла глаза, словно верующий, сосредотачивающийся перед могилой близкого человека.

– Спасибо, доктор Мюррей, – пробормотала она. – Приезжайте как можно скорее.

Она нажала на кнопку «отбой», а в голове у нее теснились мысли. Зачем понадобилось удалять у жертвы мозг? Она никогда не слышала о подобном случае. Ни «в поле», то есть в реальной практике, ни в юридической литературе, которую изучала в школе полиции. С какой целью понадобилось так ее уродовать?

В памяти всплыли слова аббата о личности Антона. Тот расхваливал его образованность, тягу к знаниям, живость его ума. Так, может, удаление мозга стало проявлением мести со стороны человека, завидовавшего уму Антона? Зависти, которая шла дальше желания просто убить, а хотела еще

и уничтожить сам источник этого ума?

Стук в дверь комнаты прервал ее размышления.

– Инспектор, – шепотом позвал ее аббат, – до окончания переписывания манускриптов остается всего десять минут. Затем мои братья покинут скрипторий и пойдут в часовню, где будут молиться в течение получаса, и я должен буду находиться с ними. Если вы желаете осмотреть кельи...

Грейс поднялась и оглядела жертву. Ей трудно было себе представить, что внутри этого черепа нет мозга. Помимо жизни, убийца забрал у него и душу.

Потрясенная, она заперла за собой дверь кельи. Кто из монахов мог совершить подобное преступление?

– У вас есть новости? – шепотом спросил аббат, едва она вышла.

– Я понимаю вашу заинтересованность, но не мне учить монаха терпению, не так ли?

– Простите, я...

Грейс сочувственно покачала головой, прежде чем ответить:

– Я осмотрю кельи, но сначала... Скажите, есть способ понаблюдать за вашими братьями так, чтобы они меня не видели?

– А по... почему вы хотите это сделать?

Грейс знала, что знание лица того, кого она собирается допрашивать, всегда дает ей преимущество. В первые секунды допрашиваемый изучает лицо того, кто находится перед

ним, и, следовательно, не способен размышлять в полную силу. Значит, Грейс сможет воспользоваться этой брешью в защите собеседника, чтобы подловить его.

– Это возможно? – спросила она вместо ответа.

– Да... Как и в большинстве монастырей, в давние времена в кабинете аббата был оборудован глазок, с помощью которого можно незаметно наблюдать за работой братьев в скриптории.

Они покинули ту часть монастыря, где находились жилые помещения гостей, и вошли в дверь, ведущую в противоположное крыло здания.

Пройдя через два зала, потолки в которых поддерживали гармонично переплетенные арки, они шагали теперь по широкому коридору, а с картин, висевших в нескольких метрах над полом, за ними следили взглядом святые.

Грейс наморщила нос: воздух утяжелялся запахом ладана, становившимся все сильнее.

– Часовня справа, – шепотом сообщил аббат, не переставая смотреть по сторонам, словно затравленный зверь. – А мой кабинет здесь, напротив.

Он открыл запертую на ключ дверь, и колеблющееся пламя факела осветило скромно меблированную комнату, в которой были письменный стол, книжный шкаф и стрельчатое окно.

Аббат Кэмерон сделал Грейс знак тихо подойти, а сам тем временем повернул основание висевшего на стене распятия

и осторожно прильнул к открывшемуся глазку.

– Скрипторий по ту сторону стены, – шепнул он, отодвигаясь, чтобы пропустить молодую женщину на свое место. – Все они работают как ни в чем не бывало.

Поморщившись от прикосновения кожей к холодному камню, Грейс прильнула к выемке и в конце проема, образуемого трубой-шпионом, увидела их всех, сидящих в ряд, на одной линии, в тишине, изредка нарушаемой скрипом пера по сухой бумаге. Все четверо сидели, склонившись над бюпитрами, занимаясь своей кропотливой работой; свечи, стоявшие на рабочих столах, освещали их лица оранжевым цветом. Если бы в нескольких метрах отсюда не лежал труп с удаленным мозгом, Грейс могла бы поверить в правдивость этой безмятежной картины. Но под внешностью одного из этих прилежно склонившихся над благородной работой людей скрывался не видимый никому монстр.

– Крайний слева от вас – брат Колин. Это он приходил ко мне недавно...

Хрупкой фигуркой, утонувшей в грубой шерстяной рясе, мальчишеским видом, черным пушком над верхней губой, молочной кожей, усеянной прыщами, взглядом из-под насупленных густых бровей и более нервными, чем у его товарищей, движениями этот монах напоминал подростка в самом разгаре периода полового созревания.

– Он всегда такой непоседливый? – поинтересовалась Грейс.

– В разные дни по-разному. Брат Колин немного простоват умом, но он очень чувствителен. Он может переходить от смеха к слезам всего за несколько секунд. Он бывает оживленным по неизвестным нам причинам, тогда начинает заикаться или невнятно выговаривать слова. А потом внезапно успокаивается, и мы тоже не знаем почему. Чтобы научить его верить в себя, я посылаю его в деревню за продуктами.

– А кто справа?

– Брат Рори. Добрейшее существо под грубой оболочкой, бывший санитар, что часто бывает нам полезно.

Этот широкоплечий монах, с физиономией, наполовину скрытой очками, казался таким же спокойным, как и его эмоционально нестабильный сосед. От него исходила уверенная, почти пугающая сила, за все время он ни разу не оторвал глаза от своей работы.

– Рядом с братом Рори брат Logan, тот, кто обнаружил тело Антона...

Грейс понаблюдала за этим мужчиной лет тридцати, таким прямым и худым, что казалось, будто все его тело, от овального черепа с узким подбородком до плоской груди, заключено в корсет.

– Он, безусловно, наш лучший переписчик, – шепотом пояснил аббат Кэмерон, – хотя Антон был недалеко от того, чтобы его превзойти.

В этот момент Грейс показалось, что брат Logan посмотрел в ее сторону, и она сделала шаг назад.

– Они не могут нас видеть, – шепнул аббат. – Тем более при таком слабом освещении.

Грейс убрала за уши длинные пряди каштановых волос и снова принялась разглядывать подозреваемых.

– А кто крайний справа?

– Брат Арчибальд.

То ли благодаря своей манере время от времени наклонять голову, чтобы полюбоваться своей работой, то ли из-за ухоженного вида Арчибальд выглядел более элегантным, чем его собратья.

– Один из самых лучших наших умов, – сообщил аббат. – Смерть Антона лишит его интересного общения.

Значит, убийца – один из них. Каждый монах по-своему подозрителен, думала Грейс. Брат Рори – своей грубоватой силой и познаниями в медицине, Колин – своей непонятной нервозностью, Логан и Арчибальд – ревностью к лучшему, чем они, переписчику, человеку, чей интеллект, очевидно, превосходил их собственный. Что же касается аббата, причину его привязанности к Антону еще предстояло понять.

В тот момент, когда Грейс провела ладонью по лицу возле глаза, чтобы стереть ощущение холода, в монастыре раздался звон колокола.

– Я вынужден вас оставить, иначе мои братья о чем-нибудь догадаются, – прошептал аббат, – если только это уже не случилось. Я присоединюсь к ним в часовне для молитвы.

– Ждите моего появления. Я подам вам знак, когда надо

будет развести монахов по кельям, чтобы они дожидались там приезда полиции. Главное – не говорите им, что я уже здесь. И не сообщайте никаких подробностей об убийстве.

– Да, да, но постарайтесь быть там до окончания песнопений. После получасовой молитвы мои братья имеют позволение вернуться в свои кельи. И тогда вас могут увидеть. Вот вам ключ, открывающий все двери в монастыре. Наши кельи – пять последних в конце этого коридора без окон. Да поможет вам Бог.

Аббат возвратил Грейс ее парку, после чего ушел размеренным шагом. Одна в темноте, со своим мобильным в качестве единственного источника света, молодая женщина смотрела, как фигура монаха растворяется в сумраке, а его факел, пламя которого сейчас приобрело красный цвет, горит во мраке, словно тревожный глаз.

Она прошла несколько метров, отделявших ее от первой двери, сопровождаемая лишь эхом своих шагов и шорохом мокрой парки по древним камням. Вдруг ее ухо уловило далекий, едва различимый звук. Из темноты как будто доносился шепот. Она выхватила пистолет, но ствол направила вниз.

– Есть тут кто-нибудь?

Ее голос замер в черноте коридора.

Грейс пошла дальше, осторожно ставя подошвы на плиты коридора. На сей раз она была абсолютно уверена, что различила в этом гуле несколько голосов. Она замерла на месте,

затаив дыхание, закрыв глаза и напрягая слух. Она не понимала, что говорят эти люди, словно они разговаривали на иностранном языке. Так продолжалось до тех пор, пока более громкое, чем прочие, слово не открыло ей природу этого шепота призраков. С насмешливой улыбкой в углах губ Грейс спрятала оружие в кобуру и глубоко вздохнула от облегчения. Эти шумы были не чем иным, как искаженным ее восприятием монашеских песнопений, доносившихся из дальней часовни.

Она постояла несколько секунд, чтобы прийти в себя, потому что опасалась потерять в этом затерянном уголке мира ясность ума детектива. Наконец она двинулась к кельям монахов и направила свет своего телефона на дверь первой. Скромная надпись от руки сообщала, что это келья брата Рори.

Едва она шагнула за порог, как в нос ей ударил кислый запах. Очевидно, этот амбал с руками лесоруба редко мылся. Судя по обстановке, он вообще не был приверженцем чистоты и порядка. Его постель представляла собой нагромождение перемешанных между собой простыней и одеял, на заляпанном чернилами столе лежали теологические труды, в которых у многих страниц были загнуты углы, а в шкафу кое-как сложенная одежда соседствовала с двумя грубыми шерстяными рясами, криво висевшими на вешалках. Грейс провела белесым лучом фонарика телефона возле ночного столика, и вдруг в свете мелькнул какой-то металлический от-

блеск. Рукой в перчатке она приподняла платок из ткани, лежавший на нижней полке, и увидела нож.

Она осмотрела его внимательнее: на первый взгляд, никаких следов крови, но лезвие очень хорошо наточено. Зачем хранить под рукой такое оружие? Брат Рори опасался ночного нападения? Грейс опустилась на колени и посветила под кровать, после чего поняла одновременно и назначение режущего предмета, и причину отвратительного запаха. Плиты были покрыты крохотными желтыми крючками, грязными кусками ногтей, отрезанными хозяином ножом и брошенными туда без какой бы то ни было заботы о гигиене.

Ощущая тошноту, молодая женщина встала на ноги, подняла одеяла, открыв запачканный пятнами матрас, который она перевернула, прежде чем положить на место. Наконец, она изучила содержимое шкафа, на всех стенках которого было множество маленьких дырочек от ударов, но не нашла ничего подозрительного. Она сделала несколько фотографий и посмотрела на часы. На осмотр помещений у нее оставалось меньше двадцати минут, чтобы закончить до завершения монашеских песнопений.

Она быстро прошла в келью брата Арчибальда. Контраст сразу бросился в глаза. В комнате царил весенний и свежий аромат, все вещи были аккуратно разложены по местам, включая многочисленные работы по истории, географии и другим наукам, стоявшие на нескольких полках. В шкафу нижнее белье пахло лавандой, а две рясы казались свежее-

выглаженными. Единственным исключением оказалась валявшаяся у ножки кровати скомканная фотография, вероятно, из модного журнала, изображавшая лежащего на матрасе очень красивого обнаженного молодого человека: руки раскинуты в стороны, как у Христа, ноги вытянуты, тело натерто маслом, взгляд скорее завлекательный, чем страдальческий. К числу возможных мотивов убийства Грейс мысленно добавила возможную любовную связь между жертвой и братом Арчибальдом.

Сфотографировав комнату и важные предметы, она покинула эту келью, чтобы обыскать келью брата Колина.

Ее поразило обилие на стенах картинок на религиозные темы и распятий. В этом чрезмерном защитном убранстве просматривалось беспокойство монаха. Вещи в шкафу лежали навалом, грязные ряса и носки валялись как попало. На столе лежала Библия, потрепанный переплет и мятые страницы которой говорили о бесконечных часах тревожного чтения и перечитывания. Вместо закладки использовался список необходимых покупок, на первый взгляд не имевший ничего подозрительного.

Грейс вышла и на секунду замерла, прислушиваясь. Голосов больше не было слышно, и она испугалась при мысли, что монахи уже закончили свои молитвы. Но новый хорал ее успокоил.

Тем не менее она поспешила с осмотром кельи брата Логана. Она также была отражением характера своего хозяина,

суровой и скромной. Даже Христос на распятии над кроватью выражал большее страдание, чем на распятиях, виденных ею раньше. Грейс машинально подняла одеяло, ничего не надеясь найти, но замерла в изумлении: простыня была запачкана кровью. Маленькие пятнышки, разбросанные по ней, были не совсем свежими, но все-таки довольно недавними. Чья это кровь? Самого Логана? Или Антона?

Предположение казалось абсурдным, но Грейс знала, как сильно может растеряться преступник, убивающий в первый раз, и в результате этого совершить самые элементарные ошибки. Заторопившись еще сильнее, чем до того, она продолжила осмотр и обнаружила в шкафу чистые вещи и две шерстяные рясы. Но когда она попыталась забраться дальше, рука наткнулась на препятствие.

Она отодвинула рясы и обнаружила в углу деревянную шкатулку. Грейс попыталась ее открыть, но шкатулка была заперта на ключ. Рядом с замком на дереве имелся пальцевый отпечаток красного цвета.

Сделав на мобильный еще десяток снимков, Грейс поспешила в последнюю келью – занимаемую аббатом; опрятная, ненамного более комфортабельная благодаря прикроватному коврику, она была обставлена так же, как остальные: несколько книг, шкаф со сменной одеждой, в том числе двукрытые рясы, и письменным столом перед стрельчатым окном.

Ничего необычного, кроме одного несовпадения, которое Грейс обнаружила, мысленно сравнивая все пять комнат. Ее

сердце вдруг забилося сильнее. Она снова обошла все кельи, заново открыла все шкафы и завершила осмотр в возбужденном состоянии.

Если монастырские правила строго исполнялись в соответствии с планом, найденным у Антона, то в числе подозреваемых, помимо брата Логана, только что появился еще один монах.

Грейс незаметно вошла в часовню в тот момент, когда монахи хором славили Господа, и была захвачена мистической волной песнопения. До сих пор пение доносилось до нее издалека, и она не могла оценить всей его силы. Но теперь, когда находилась рядом с монахами, этот гимн переносил ее на много лет назад, когда она смотрела на украшенный потолок своей церкви глазами, полными детской веры. При воспоминании о навсегда ушедшем прошлом у нее подкатил к горлу комок, и ей пришлось направить мысли на другое, чтобы не потерять контроль над собой.

Стоявший в первом ряду аббат наконец оглянулся и увидел ее. Она кивнула, давая понять, что готова, и выскользнула из часовни.

Из-за двери она услышала, что голоса монахов смолкают один за другим, в то время как голос их старшего, бесцветный, дрожащий, зазвучал, перекрывает их:

– Братья мои, братья мои... Простите мне, что прервал вас в тот момент, когда мы возносили хвалу Господу. Но Он свидетель моей печали, и Он же даст нам силы справиться с выпавшим нам испытанием.

Грейс разобрала встревоженный шепот, пробежавший по малочисленному собранию монахов.

– Мне больно, братья мои, объявить вам, что этой ночью

страшная беда обрушилась на наш монастырь. Наш постоялец Антон был найден мертвым.

Шепот перешел в испуганные восклицания. Так можно подумать, что виновный не один из них, подумала Грейс.

– Я, как и вы, сокрушен, но, дабы избежать всяческих недоразумений в отношении нас, прошу вас вернуться в свои кельи и оставаться там до прибытия полиции, которую я только что вызвал.

– Брат Кэмерон, что вы имеете в виду, говоря «всяческих недоразумений в отношении нас»? – бросил один из монахов со сдерживаемой агрессивностью. – Что Антона убил один из нас?

Грейс без труда представила себе, как шокированные монахи крестятся.

– Совсем напротив, брат Рори. Я прошу об этом, потому что не хочу давать полиции ни малейшего повода усомниться в нашей невиновности. Если вы останетесь в своих кельях, вас не смогут заподозрить в том, что вы уничтожили где-то улики.

– Брат Кэмерон, ты скажешь нам, что случилось с Антоном? От чего он...

Голос сломался, послышался всхлип. По правильному произношению Грейс заключила, что это сказал брат Арчибальд, прежде чем разрыдаться.

– Значит, я был прав, что беспокоился, когда пришел к вам! – воскликнул брат Колин. – А вы мне ничего не сказали!

– Я только что узнал о случившемся, когда вы меня нашли, брат Колин. Я должен был сообщить эту страшную новость всем членам общины одновременно. А теперь идите по своим кельям, пожалуйста, и да поможет вам Бог.

Грейс поспешила пройти к жилым помещениям монастыря. На полпути коридор внезапно осветился множеством настенных ламп. Наконец-то восстановили электроснабжение.

Она торопливо вошла в келью первого монаха, которого намеревалась допросить. Тот скоро появился и вздрогнул, увидев в келье женщину с длинными каштановыми волосами, напоминавшую ему красавиц, изображенных Боттичелли, которыми он иногда втайне любовался. Она стояла, прислонившись ягодицами к его столу и скрестив руки на груди, а ее ореховые глаза обволакивали его неммым ожиданием.

– Кто... кто вы? – пробормотал брат Логан с ошарашенным видом, отчего его худое лицо показалось еще более осунувшимся.

– Инспектор Грейс Кемпбелл из полиции Глазго. Закройте дверь, пожалуйста.

Грейс не сводила глаз со свидетеля, продолжая давить на него и не давая опомниться.

– Уже? Я полагал, что...

– Присаживайтесь...

Длинный монах с негнущейся спиной опустился на стул, который Грейс поставила на середину комнаты. Она обошла его, заперла дверь на ключ, затем встала в углу кельи и, глядя

на него сверху вниз, засыпала вопросами:

– Мне известно, что это вы обнаружили тело. Вы к нему прикасались?

– Нет... – ответил брат Логан, грызя ноготь, потом принялся за другой.

Грейс расстегнула парку и откинула полу куртки, чтобы показать кобуру с пистолетом.

Монах выпучил испуганные глаза:

– Я ничего не делал, клянусь вам Господом нашим.

Молодая женщина подошла к кровати и откинула одеяло:

– А это? Чья это кровь?

Брат Логан прикусил пересохшую губу и стал терзать зубами очередной ноготь.

– Кровь Антона, не так ли? – наседала Грейс, поймав бегущий взгляд подозреваемого. – Антона, которого вы убили из зависти, потому что все считали его лучшим копиистом из всех, каких знал этот древний монастырь...

– Что? Нет, нет!

Монах вскочил рывком и бросился к своему шкафу, одновременно шаря в кармане рясы. Грейс выхватила пистолет и направила на него:

– Не двигаться!

– Я... я просто хочу кое-что вам показать, – ответил брат Логан, застыв на месте.

– Отойдите назад. Я найду за вас.

Монах подчинился и протянул ей маленький ключ:

– В шкатулке за моей одеждой...

– Сядьте.

Грейс на ощупь открыла шкатулку, не сводя глаз с мужчины, снова севшего на стул.

Ее защищенные перчатками руки ощупали внутренность ларчика и коснулись чего-то имеющего форму рукоятки. Она вынула предмет.

– Вот откуда кровь, – проронил брат Логан, вытянув вперед свою длинную шею и обхватив голову руками.

С конца рукоятки, которую держала в руке Грейс, свисали полоски кожи, заканчивавшиеся металлическими шариками, усеянными шипами.

– Зачем вы это делаете? – спросила она.

– Некоторые запретные мысли засыпают лишь в опьянении боли, инспектор...

– Какие мысли?

– Те, в которых не пристало признаваться особе женского пола. Послушайте, да, я завидовал Антону, да, ненавидел его за талант, да, я использовал это орудие, но лишь против себя, чтобы наказать себя за свою посредственность.

Грейс секунду постояла молча, одновременно разочарованная своей неудачей и охваченная жалостью к этому человеку. Потом положила плетъ на стол.

– Оставайтесь здесь. Я знаю наизусть местоположение каждого предмета. Если вы тронете что бы то ни было, это будет расценено как преднамеренная попытка помешать

следствию.

Она собиралась покинуть келью, но вдруг обернулась.

– Ответьте мне на последний вопрос: сколько ряс имеет каждый монах?

Брат Логан, казалось, был сбит с толку.

– Э-э-э... у каждого из нас их по три, а что?

Грейс пожала плечами, закрыла за собой дверь и, сделав несколько шагов, без предупреждения вошла в келью брата Колина.

Монах молился, стоя на коленях перед витражом в окне. Он резко обернулся и уставился на нее маленькими глазами, блестящими от страха и вызова. Она заперла за собой дверь, назвала свое имя и должность и прислонилась к двери, скрестив руки на груди. Не говоря ни слова, она велела молодому человеку подняться и сесть на стул. Он шмыгнул носом, поскреб затылок и, сутулясь, сел, бормоча:

– Я знал, что слу... чилось что-то нехорошее... Я знал.

– Откуда вы это знали?

– А? Нет, я чувствовал, вот так.

– И когда у вас появилось это предчувствие? Вы знали, что Антону угрожает опасность?

– Нет, нет... я этого не говорил. У меня было ощущение. Я... я иногда заранее угадываю события.

Грейс плотнее прижалась спиной к двери.

– Вы хорошо знали жильца монастыря Антона?

Монах покачал головой.

– Что вы о нем знали?

– Он разговаривал в основном с... с бра... братом Арчибальдом и аббатом. Я был для него недостаточно умным.

– Стало быть, Арчибальд и аббат были дружны с Антоном?

– Во всяком случае, оба они по много часов проводили в келье жи... жиль... жильца, и я себя спрашиваю, что они там делали, – ответил он, воздев глаза к небу, словно ища одобрения Бога.

– А вы ощущали себя изгоем, не принятым в их общество?

Монах хохотнул, но ничего не ответил.

– Вы чувствовали, что после появления Антона ваши братья стали вас меньше уважать?

– Я отлично понимаю, что вы пытаетесь заставить меня сказать. Я не так глуп, каким кажусь, даже несмотря на то, что за... икаюсь. Так вот вам правда: я никого не убивал, н... но не собираюсь оплакивать смерть это... этого человека.

Грейс оттолкнулась от стены и направлась к шкафу, который открыла под настороженным взглядом своего собеседника.

– Брат Колин, у вас единственного из всех монахов в шкафу только одна сменная ряса. У всех остальных их по две. Не могли бы вы мне объяснить, где находится третья?

– Вы... что, мне мать или кто?

– Нет, не мать. Намного хуже, – ответила она.

Монах с вызывающим видом вскинул голову.

– О... она... в... в... в сти... стирке.

Грейс напряглась, заметив усиление его заикания.

– В стирке? Однако сегодня четверг, а согласно строгому распорядку жизни монастыря, днем стирки является вторник... Может быть, вам срочно понадобилось уничтожить какое-то пятно?

Монах лихорадочно почесал затылок. Его ноги дрожали.

– Вы можете дать объяснение этому факту? – настаивала Грейс голосом, внезапно ставшим холодным, почти презрительным, которым она обращалась к подозреваемым.

– Я... я...

Брат Колин не закончил фразу. Он вскочил на ноги, швырнул в Грейс стул и выпрыгнул из окна своей кельи в оглушительном звоне разбивающегося витража.

8

Через разбитое стекло в комнату ворвался ветер, хлестнувший Грейс по лицу и вздыбивший в вихре страницы открытой на столе Библии. В спешке монах не успел прицелиться, и Грейс увернулась от стула. Она вскочила на стол и за стеной возобновившегося ливня угадала силуэт человека, бегущего к морю.

Она тоже выпрыгнула из окна, находившегося в метре над землей. Из-за недостатка тренировки приземление получилось не слишком удачным. Она поскользнулась на размокшей почве и уткнулась лицом в грязь, почувствовав во рту вкус земли, но тут же вскочила на ноги и бросилась в погоню, выхватывая на бегу оружие.

– Стой! – приказала она.

Но монах убежал уже слишком далеко, а голос молодой женщины заглушался шумом дождя. Ее охватила паника: внизу поросшего травой склона она различила белесое острие верхушки скалы. И брат Колин бежал прямо к нему.

Она сделала предупредительный выстрел в воздух. Монах обернулся, его ряса хлопала на ветру. Он снова побежал, держась за ногу и прихрамывая – вероятно, при прыжке порезался осколком стекла.

Вид приближающейся скалы усилил страх Грейс, и она прибавила скорости, крича так, что едва не разрывались лег-

кие:

– Не делайте этого!

Она не успеет. Сейчас он прыгнет и разобьется о скалы. На мгновение фигура монаха, очерчиваемая серыми линиями дождевых струй, замерла на краю пропасти. Затем наклонилась вперед.

Вспомнив далекие уроки катехизиса, Грейс из всех сил закричала, надеясь, что последние усилия позволили ей приблизиться на достаточное расстояние, чтобы быть услышанной:

– Бог дал вам жизнь, брат Колин, и одному ему решать, когда ее у вас взять!

Беглец на мгновение замер. Грейс была всего в нескольких метрах от него. Брат Колин выпрямился, но смотрел по-прежнему в бездну, где под проливным дождем волны с ревом разбивались о скалу.

– Бог любит вас, он вам поможет! – бросила Грейс, осторожно приближаясь.

Монах обернулся, и она встретилась с ним взглядом; его глаза были полны ужаса.

– Бог вас простит, если вы его попросите... Я чувствую, что вы не желали того, что произошло, брат Колин. Позвольте Господу проявить к вам милосердие.

Она протянула монаху руку. Тот посмотрел на нее. Потом она увидела, как его глаза потемнели от отчаяния. Он перекрестился, наклоняясь вперед.

Грейс выстрелила. Пуля попала в заднюю часть бедра молодого человека, отчего нога поскользнулась и тело подалось назад. Детектив воспользовалась случаем, схватилась за капюшон рясы и рванула его на себя. Монах навзничь рухнул в лужу, крича от боли и зажимая рану на бедре.

Не деликатничая, Грейс приподняла его за руку и, тяжело дыша от напряжения, оттащила подальше от края скалы, после чего упала на колени возле него. Брат Колин бился в истерике.

Грейс положила его лицом на землю и защелкнула на его запястьях наручники, которые носила на поясе.

Совершенно обессилевшая, она вытерла испачканное грязью лицо мокрым рукавом куртки и зажала монаху рану, которую ему причинила. Она собиралась достать из внутреннего кармана телефон, когда вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть.

Откинув назад мокрые волосы, она подняла голову и полными воды глазами увидела стоящую возле нее фигуру в капюшоне, с лицом скрытым тенью. На мгновение ей почудилось, что это демон, вырвавшийся из преисподней.

– Что вы сделали?

Она узнала аббата Кэмерона, когда он опустился рядом на колени. Лицо его выражало ужас, глаза устремлены на его брата, корчащегося от боли.

– Он поправится, – ответила Грейс. – На острове есть медики?

– Да, врач, в деревне...

– Вызовите его. И помогите мне перенести вашего брата в монастырь.

Аббат был настолько потрясен, что начинал движения и не заканчивал их. Он поднес руку ко лбу, потом принялся искать свой телефон, потом спохватился и растерянно посмотрел по сторонам.

– Брат Кэмерон, – окликнула Грейс, беря его за руку. – Врач!

– Да... да, конечно.

Пока аббат разговаривал с врачом, Грейс снова зажимала рану брата Колина.

– Он немедленно приедет, – сообщил аббат, нажав на кнопку «отбой» телефона.

– Перенесем раненого в монастырь.

– Хотя бы снимите с него наручники!

– Нет.

Грейс подняла монаха под мышки и сделала аббату знак взять его за лодыжки.

– Моя нога! – взвыл брат Колин.

Скользя по грязи, несколько раз остановившись перевести дыхание, они наконец добрались до дверей монастыря, где им на помощь прибежал брат Рори.

– Что случилось?

– Отнесем его в медпункт! – бросил в ответ аббат.

Они вошли в здание, наконец укрывшись от дождя.

Остальные монахи, хоть и шокированные тем, что видели, помогли поднять своего брата. Теперь, когда подача электричества была восстановлена, они прошли по ярко освещенным коридорам до пропахшей эфиром маленькой комнаты, где положили раненого на кровать. Грейс сняла один из браслетов наручников с запястья подозреваемого и пристегнула его к спинке кровати.

– Мы услышали звон разбивающегося стекла и выстрелы... – начал брат Рори, испепеляя собеседницу взглядом. – Что вы сделали?

– Он ранен пулей в правое бедро и, кажется, порезал ногу осколком стекла, – сказала Грейс.

Монах с огромными ручищами задрал рясу своего брата и действительно обнаружил две раны. Он приложил несколько салфеток, чтобы остановить кровотечение из огнестрельной раны, потом принялся дезинфицировать резаную, бормоча, что брат Колин был самым милым и самым чистым из них всех, что он не заслужил подобного обращения.

Грейс не мешала ему обрабатывать раны, но, едва он закончил, велела ему, вместе с остальными, выйти, оставив ее наедине с подозреваемым.

– Дайте ему хотя бы морфий! – возмутился их настоятель.

– Нет.

Поскольку аббат настаивал, Грейс подошла к нему вплотную и посмотрела снизу вверх, наставив на него указательный палец.

– Его свидетельские показания, данные под действием морфия, не будут иметь никакой ценности, и их можно будет оспорить, а ваш брат теперь является главным подозреваемым в убийстве Антона Сьюяка. Итак, если вы не выйдете отсюда немедленно, я доложу куда следует о том, с каким рвением вы мешали мне вести расследование, и вас привлекут к суду за чинение препятствий правосудию.

В такие моменты Грейс казалось, что полнота добавляет ее словам больше веса, чем если бы она была худенькой. К тому же ее правая бровь начала раздраженно приподниматься, нижняя губа стала тяжелее, а мягкость взгляда ореховых глаз сменилась властностью, с которой не хотелось спорить.

Брат Рори что-то пробурчал. Грейс смерила его суровым взглядом, и он, как и аббат Кэмерон, развернулся и покинул медпункт.

Оставшись одна, она склонилась над Колином, чьи стоны заполнили комнату.

– Что вы сделали с Антоном Сьюайком?

Монах молча покачал головой, прижимая руку к ране на бедре.

– Чем быстрее вы мне ответите, тем скорее доктор даст вам морфий и извлечет из ноги пулю.

На лице молодого человека дождевые капли смешивались с каплями пота от начинавшейся лихорадки.

Грейс ненавидела наблюдать за страданиями живого человека, даже если он убийца. Но она готова была вытерпеть

это вызывавшее у нее отвращение зрелище, если это могло привести ее к истине.

– Я... я не убивал Антона, – простонал монах.

– Тогда почему вы убежали? Почему хотели покончить с собой?

Грудь парня прерывисто вздымалась, по щекам покатились слезы.

– Это не я... но...

Словно священник в исповедальне, Грейс не шевелилась, боясь нарушить хрупкость рождающегося признания.

– Колин, расскажите мне, что произошло, и я буду знать, как вам помочь.

Монах икнул от боли и волнения. В его глазах Грейс прочла жгучее желание раскрыть ей свой секрет.

9

– Я не убивал Антона... но он погиб по моей вине... – пробормотал брат Колин.

Грейс едва заметным кивком подбодрила монаха, приглашая его продолжать.

– Кто же убийца?

– Он выглядел таким симпатичным...

– Кто?

– Тот молодой человек, что жил в деревне последние недели. Я встречал его всякий раз, когда ходил за покупками, и он смотрел на меня так, будто хотел со мной заговорить, но не решался...

Он скривился в иронической усмешке.

– Обычно это я так смотрю на других, и, когда я увидел его в этом состоянии, робеющего, совсем одинокого, меня это взволновало. Я идиот.

Грейс положила пальцы на руку монаха.

– Что произошло дальше, Колин?

– Я подошел и заговорил с ним. Я спросил, почему он так на меня смотрит. Он мне сказал, что его брат Антон много месяцев живет в нашем монастыре и что он не знает, как его повидать. У него был такой печальный вид, инспектор, такой... страдальческий.

– Почему он не пришел прямо в монастырь и не постучал

в дверь?

– Это был первый вопрос, который я ему задал; он мне ответил, что его брат сильно поссорился с ним и с остальной семьей. Что он не хотел больше слышать о них. Он мне показывал фотографии, где они были вдвоем, обнимающиеся за плечи, улыбающиеся... и плакал.

– И тогда он умолил вас организовать их встречу, да? Без ведома Антона?

Брат Колин кашлянул и снова тяжело задышал. Грейс ощущала пальцами, как его кожа нагревается из-за лихорадки.

– Да... в некотором роде. Он мне объяснил, что хотел попросить у брата прощения за то, что не поддержал его в споре с родителями. Что хотел прекратить вражду между ними. Что ему его жутко не хватает.

– И этого оказалось достаточно, чтобы вы решили помочь совершенно незнакомому человеку? – удивилась Грейс.

– Нет... Но еще он сказал, что, если немного повезет, он уговорит Антона отказаться от этого самоизгнания и вернуться домой.

Брат Колин отвернулся, сжав губы так, словно хотел удержать во рту слова, вырвавшиеся наружу.

Грейс начинала понимать.

– Вы хотели избавиться от Антона...

– Вы считаете меня злым, да?

– Я никогда не сужу поступки других людей, потому что

не знаю, что сама сделала бы на их месте. Я здесь только для того, чтобы выслушать вас.

– Да, я это сделал, потому что не хотел больше видеть этого Антона! – прошипел монах сквозь стиснутые зубы.

– Но... почему?

Склонившись над монахом, Грейс смотрела на него с участием и говорила мягким голосом, как будто сидела у постели больного родственника.

– Потому что он меня мучил, инспектор. Он постоянно меня мучил, этот змей. Он насмеялся надо мной, над моей внешностью, над медлительностью моего ума, над моей глупостью, как он это называл. И никто этого не видел! Он всегда старался обидеть меня, унижить, когда не было свидетелей. Я был его тайным мальчиком для битья. Потому что... потому что этот человек, которого все обожали и необыкновенную личность которого расхваливали братья, был самым вы... высокомерным, самым са... самовлюбленным из все... всех, кого я... встречал! Ум... умный – да. Но з... злой... с... самыми с... слабыми...

– Не волнуйтесь, – посоветовала Грейс, видя, что он теряет над собой контроль.

Монах перевел дыхание.

– Я больше не мог это выносить, понимаете? Он превратил мою жизнь в муку. И когда появилась возможность сделать так, чтобы он убрался отсюда навсегда, я ухватился за этот шанс.

– Вы не рассказывали аббату о том, что заставлял вас пережить Антон?

Брат Колин с сожалением покачал головой:

– Нет... я не осмелился. Он так его любил, что в жизни бы мне не поверил. А потом, я думал, что Господь послал мне это испытание, что он наказывает меня за какой-то грех, и я принял это как наказание и терпел в надежде, что небо дает мне шанс на спасение.

Чувствовать себя брошенным, жертвой жестокой и несправедливой судьбы, уповая на божественное милосердие. Возможно, Грейс лучше, чем кто бы то ни было еще на этом острове, понимала, что испытал брат Колин. На мгновение она вспомнила тот день, в который, столкнувшись с невыносимым для ребенка ее возраста, она едва избежала безумия, решив верить, что это Бог послал ей испытание по причине, которую рано или поздно ей откроет.

Но она прогнала начавшую зарождаться в ней симпатию, потому что именно трагедия, случившаяся в прошлом, привела ее на работу в полицию, где требовались безупречное самообладание и контроль над своими эмоциями.

– И как все прошло этой ночью? – спросила она, в то время как молодой монах с такой силой сжимал челюсти, что вены вокруг его глаз набухли и посинели.

– Моя нога...

– Да, доктор придет с минуты на минуту...

Он опустил веки, как будто потерял сознание.

Грейс встряхнула его.

– Скажите правду, брат Колин, вам станет легче...

Монах набрал в легкие воздуха.

– В час ночи я открыл ему дверь монастыря, одолжил одну из моих ряс на случай, если он встретит кого-нибудь из братии, и указал келью Антона. Он мне пообещал все сделать быстро. Я ждал его в холле у выхода. Через час он пришел быстрым шагом, бросил на ходу, что Антон согласился вернуться в семью, а потом убежал, не вернув мне рясу.

– Она была запачкана кровью?

– Было слишком темно, и все произошло так быстро... Я не хотел этого...

– Я знаю, – шепнула Грейс, не убирая пальцев с руки монаха. – Знаю. Вам известно имя человека, выдававшего себя за брата жертвы?

– Нет... но я могу его описать, а потом... он жил на острове в гостинице. Наверное, он там общался с другими людьми.

– Когда вам станет лучше, я пришлю к вам члена моей группы, который по вашим указаниям нарисует портрет. А пока скажите мне, как он выглядел.

– Лет двадцати пяти, очень стройный, но крепкий. Однажды, когда погода была чуть теплее, он закатал рукава рубашки, и я увидел у него на запястьях красные и синие татуировки. Только не спрашивайте меня, что они изображали: я не обратил внимания.

– Хорошо... Продолжайте, вы мне очень помогаете.

– Он выглядел очень ухоженным. Всегда аккуратно причесанный, волосы уложены с гелем. У него была бородка, очень чистая, ровно подстриженная. И еще у него всегда были наушники, то в ушах, то свисали с плеч. И... хотя меня это не интересует, я сказал бы, что он был красивым.

– Хорошо...

– Меня отправят в тюрьму, да?

– Если то, что вы мне рассказали, правда, то я в этом не уверена.

В дверь постучали, и мужской голос произнес:

– Доктор Биссет!

В помещение медпункта ворвался пожилой мужчина с густыми седыми усами, в руке у него был саквояж.

– Прошу вас, начинайте, – сказала Грейс врачу, посторонившись, чтобы он мог приблизиться к брату Колину.

Она собиралась закрыть за врачом дверь, когда из коридора ее окликнул аббат:

– Инспектор Кемпбелл...

Он явно хотел поговорить с ней наедине. Пока врач начал зондирование раны, Грейс выскользнула из комнаты, оставив дверь приоткрытой, чтобы следить за происходящим внутри.

– Инспектор, мне очень жаль, – шепотом сказал аббат, – но я не мог удержаться, чтобы не послушать вашу беседу с братом Колином.

Грейс, сильно раздраженная, вскинула голову.

– Подождите, подождите... возможно, я поступил правильно. Я не знал об издевательствах Антона над нашим братом. В противном случае, клянусь вам, я бы не колебался ни секунды. Я никогда не потерпел бы подобного поведения с его стороны, если бы мне было известно, что происходит.

Глядя на него, Грейс развела руками, словно подбадривая раскрыть ей все, что ее могло заинтересовать.

– Послушайте...

Настоятель убедился, что они в коридоре одни. Он был сейчас так же сильно взволнован, как утром, когда открыл ей дверь монастыря.

– Антон был для меня больше чем просто постоялец, – шепнул он на ухо Грейс. – Он был мне другом. Другом, которому я дал одно обещание, которое намеревался сдержать даже после его смерти...

Аббат надолго замолчал, собираясь с духом и глядя свою бороду.

– Но то, что я сейчас услышал, ставит все под вопрос. Он предал меня, дурно обходясь с одним из моих братьев. Он растоптал нашу дружбу и разорвал соединявшие нас узы доверия.

Грейс уловила дрожь в голосе служителя Бога, боровшегося с самим собой.

– Господь мне свидетель, и он покарает меня, если сочтет клятвопреступником, но я больше не могу хранить мою тайну.

Глаза аббата Кэмерона покраснели, взгляд горел; он покачал головой, как будто давая себе разрешение заговорить.

– Пойдемте со мной, – наконец пригласил он шепотом. – Я должен вам кое-что показать.

10

Грейс убедилась, что врач извлекает пулю из ноги брата Колина, закрыла дверь и внимательно посмотрела на аббата Кэмерона.

– Стало быть, не услышь вы признания вашего брата, вы бы ничего мне не сказали?

– Да, я знаю, что мирянину это может показаться абсурдным, но для нас клятва до сих пор остается священной.

Грейс не стала спорить. Она могла это понять.

– Что вы хотите мне показать?

Аббат пошел прочь от медпункта, и она последовала за ним.

– Надо вернуться туда, где нашли тело Антона.

– И что?

– Теперь вы знаете, что Антон был ярким, незаурядным молодым человеком, и его интеллектуальная активность никогда не смогла бы вынести подобную изоляцию, если бы он не имел возможности реализовывать свой талант.

Грейс вспомнила, что действительно подумала об этом, спрашивая себя, почему этот интеллектуал, такой жадный до знаний, решил запереться на столь долгий срок в монастыре, где единственная доступная духовная пища должна была концентрироваться на религии.

Они вернулись в монастырь и прошли под готическими

арками. Грейс увидела, что струи дождя падают вертикально, значит, ветер стих. Ожидаемое ею подкрепление скоро придёт и присоединится к ней.

Аббат свернул на дорожку, ведущую к помещениям, отведенным для постояльцев. Неяркие прожекторы, расположенные на земле, ненавязчиво освещали рельефы на каменных стенах.

– При моей помощи Антон занял старую келью самого первого приора нашей общины, – объяснил аббат. – Возможно, вам неизвестно, что Айонский монастырь один из древнейших в Шотландии и был, вне всякого сомнения, колыбелью церкви в Европе. Полторы тысячи лет назад у нас было много врагов, и на случай нападения предусмотрены потайные помещения. Хотя бы для того, чтобы прятать в них наши ценные рукописи...

Аббат перекрестился, бормоча молитву, и открыл дверь комнаты Антона.

Труп по-прежнему лежал возле кровати, и Грейс заметила, что монах изо всех сил старается не смотреть в ту сторону.

К сожалению для него, смерть уже начала наполнять помещение тем неизбежным запахом, который хватает вас за горло и выворачивает желудок. Готовая к этому Грейс дышала ртом, но монах оказался застигнут врасплох и поспешно прижал рукав рясы к носу, подавляя приступ тошноты.

С неожиданным для него проворством он присел на кор-

точки возле шкафа, поднял крюк, спрятанный за одной из его ножек, и толкнул шкаф плечом. Дерево скрипнуло, и шкаф прополз вдоль стены, открывая сводчатую арку и проход вниз.

Аббат пошарил рукой в подземелье и повернул выключатель. На потолке загорелась лампочка.

– Это личный кабинет Антона... – сообщил он голосом, приглушенным тканью рясы, прижатой ко рту.

Пригнувшись, чтобы войти в узкий лаз, аббат Кэмерон первым спустился в подземелье. Заинтригованная, Грейс в свою очередь спустилась вниз и попала в круглую комнату, напоминающую университетский кабинет.

В центре стоял большой рабочий стол, на котором расположились открытая рабочая тетрадь с покрытыми расчетами страницами, а также высокая стопка похожих тетрадей.

Напротив стояла школьная доска, тоже исписанная математическими знаками, только мелом. Рядом книжный шкаф. Библиофилка Грейс бросила быстрый взгляд на корешки стоявших в нем книг. Все они были научного содержания, несколько даже по астрофизике.

Закончив изучать названия книг, она перевела взгляд на противоположную стену. Та была покрыта десятком бумажных листов, прикрепленных скотчем.

Она осветила их фонариком своего телефона и более четко разглядела некую овальную форму с преобладанием зеленого цвета и пересеченную в центре слева направо крас-

но-оранжевой полосой. Грейс подошла ближе и увидела, что овал состоит из множества крохотных точек. Большинство их было зелеными, но некоторые участки изобиловали точками огненного цвета, а другие – голубоватого. Что могло означать это изображение? Что в нем видел Антон? Вопрос тем более законный, что многие места были обведены кругами, нарисованными от руки.

Грейс сфотографировала изображение и медленно перевела взгляд с этой загадки на последний элемент оформления кабинета: гигантский постер, занимавший стену позади стола. Смысл этого изображения был совершенно ясен. Это была географическая карта. Грейс безо всякого труда узнала Хайленд¹.

Желая подойти ближе и лучше рассмотреть карту, она обо что-то споткнулась. У ее ног лежали кроссовки и рюкзак. Грейс его открыла и обнаружила внутри теплую куртку, две фляги, хлебные палочки, компас, перчатки и еще одну карту Хайленда, изношенное состояние которой свидетельствовало о том, что ею часто пользовались. Ее она сунула в карман, а остальные вещи – обратно в рюкзак, предоставив доскональное изучение их экспертной группе.

Потом она внимательнее осмотрела карту на стене. В нее были воткнуты пять булавок, в места, затерянные среди диких просторов этого северного края.

Четыре участка были перечеркнуты большими крестами,

¹ Хайленд – горная северо-западная часть Шотландии. (Примеч. пер.)

как если бы их исключили из некоего списка. Лишь одно место в сердце горных долин не было зачеркнуто. Даже наоборот: обведено кругом, к которому добавлен вопросительный знак.

Постаравшись, чтобы в кадр попали все детали, Грейс добросовестно сфотографировала карту Хайленда, доску, исписанную математическими знаками, а также несколько страниц из раскрытой на столе тетради с расчетами.

Грейс задумчиво смотрела на эти строчки, в которых смешались цифры в скобках, дроби, квадратные корни, греческие буквы и множество других символов, значения которых она не понимала. Единственный очевидный факт, бросившийся ей в глаза: четкий почерк без разрывов, говоривший о ясности ума, уверенно следующего по пути поиска решения.

Оказавшись лицом к лицу с этой загадкой, она вновь столкнулась с вопросом, к которому часто возвращалась на протяжении своей жизни: как получилось, что человечество разделилось на два до такой степени непохожих лагеря? С одной стороны – ученые и технари, чей мощный ум путем расчетов, опытов и логики проникает в законы природы. С другой – пользователи, потребители, вроде нее, немеющие от своего невежества перед математическими, физическими и химическими формулами и даже перед бытовыми приборами, которыми ежедневно пользуются. Порой она воображала, что перенеслась в Средневековье, вся из себя высокомерная и гордая гостья из XXI века. Но чему она могла бы научить людей той эпохи? Дать им вакцину против чумы?

Аспирин? Она не знала их химических формул! Объяснить, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот? Но как бы она это доказала? Она была не способна даже нарисовать схему производства обыкновенной шариковой авторучки, валяющейся в глубине ее кармана, а первый же встречный крестьянин научил бы ее, как сеять зерно, в то время как она умирала бы на обочине дороги, сжимая в руке свой мобильник.

Трижды прозвучавший звон оторвал ее от размышлений. Она узнала голос колокольчика на входной двери монастыря.

– Это, должно быть, подкрепление, – объяснила она аббату, который уже некоторое время молча, но настойчиво смотрел на нее.

– Задумались над тем, что же изучал Антон?

«Задумалась. О том, что принадлежу к бесполезной части человечества», – подумала Грейс, а вслух сказала другое, но этот момент, более прагматичный, занимал ее не меньше.

– Я спрашивала себя, связаны научные исследования Антона Сьюяка с его убийством или нет.

– А если да?

– В таком случае дело приобретет очень необычный оборот в сравнении с теми, что я расследовала до сих пор, – ответила она, пригнувшись, чтобы выйти из подземелья.

Она быстрым шагом направилась к входу в монастырь; аббат шел рядом с ней.

– Антон вам не рассказывал, какими исследованиями за-

нимался в этом кабинете?

– Нет. Однажды, когда я стал настаивать, он сильно разочлился и бросил, что знание это опасно для умственного здоровья.

Грейс иронично покачала головой. Подумать только, а ведь ей, возможно, предстоит раскрыть секрет этих таинственных исследований.

Но у нее не было времени задуматься о такой возможности. Они уже пришли в холл, и аббат отпирал дверь вновь прибывшим.

Часы пробили половину двенадцатого утра, когда судмедэксперт Мюррей вошел в монастырь и пожал Грейс руку. Лет пятидесяти, с редкими волосами, уложенными волнами на голове, несколько великоватой для его тела. Он быстро поздоровался с аббатом, кривя рот.

– Ну и погодка! Можно подумать, что визит в монастырь требует такого вот напоминания о Потопе! – бросил он, тряся рукавами блестящей от дождя парки. – Где тело?

– Я провожу вас, – ответила Грейс, заметив дискомфорт аббата, оказавшегося в обществе человека, слишком привычного к смерти, чтобы она его волновала.

Медэксперта сопровождали двое сотрудников научно-технического отдела – рыжеволосый молодой человек и женщина постарше, с очень короткой стрижкой, – а также четверо оперативников. Грейс поздоровалась с ними и объяснила им их задачи. Одного офицера она поставила в холле

у входной двери монастыря, велел никого не выпускать, второго – при входе в коридор, где располагались жилые помещения монахов, чтобы быть уверенной, что ни один из них не войдет к себе в келью до ее осмотра экспертами, третьего – перед комнатой убитого, а четвертого – в медпункте. Ему она дала очень четкое задание.

– Ваша фамилия?

– Гамильтон.

– Отлично, офицер Гамильтон, будьте предельно внимательны. Монах, которым сейчас занимается врач, пытался покончить с собой. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы пришли ко мне сообщить, что главный свидетель в этом деле лишил себя жизни. И позвоните мне, когда он придет в себя.

Офицер кивнул и протянул Грейс чемоданчик.

– Вам понадобится этот компьютер для составления фоторобота. Также в нем установлена система прямой телефонной связи с управлением в Глазго.

– Поставьте его в медпункте. Спасибо.

Офицер кивнул и, узнав у аббата дорогу, отправился на назначенный ему пост.

– Почему этот свидетель в медпункте? – спросил Уоллас Мюррей, морща нос, чтобы поднять очки. – Была схватка?

Грейс заколебалась.

– Мне пришлось выстрелить в него, чтобы помешать спрыгнуть со скалы.

Медэксперт разинул рот.

– Вот это да! Ничего себе! Я впервые слышу такое. Под вашей добродушной внешностью, инспектор, скрывается решительный человек; если, конечно, вы не допустили нарушение, которое пытаетесь спрятать под ложью во спасение...

Грейс, слегка подняв бровь, посмотрела со смесью презрения и безразличия.

– Ладно, ладно... Я сказал это из уважения к нашему этического кодексу, но я знаю, что в реальной жизни иногда приходится отступать от правил, если хочешь успешно сделать работу, за которую тебе платят. Не так ли?

Она не ответила, оставив медэксперта в смущении, потом повела группу по лабиринту монастыря.

Перед дверью комнаты Антона двое сотрудников научно-технического отдела облачились в свои стерильные халаты. Медэксперт последовал их примеру.

– Вы с нами? – спросил он, поправляя шапочку на своей большой голове.

– Нет, мне нужно кое-что проверить в гостинице острова. Я присоединюсь к вам позднее. Мой телефонный номер у вас есть. Брат Кэмерон, я поручаю вам отвести экспертов в келью каждого из монахов и туда, куда они пожелают пройти.

– Да, положитесь на меня.

Буквально за мгновение до того, как повернуться спиной к аббату, Грейс почувствовала на себе его тяжелый, встревоженный взгляд. Как будто он боялся того, что она узнает в гостинице.

Когда она вновь проходила по мощеной Дороге мертвых и преодолевала холм, через который шла дорога в порт, стук дождя зазвучал в ее ушах еще громче. У подножия холма она заметила небольшую группу домов с блестящими от воды шиферными крышами и море, чьи серые волны сливались со свинцовым небом.

Осторожно спустившись, стараясь не поскользнуться, Грейс скоро оказалась на единственной улочке деревни и не замедлила обнаружить по вывеске с подковой единственную на острове гостиницу.

Она толкнула дверь и с облегчением вздохнула, почувствовав, как ее обволакивает приятное тепло. Слева от нее, в салоне с глубокими кожаными креслами, трещал огонь в старом, почерневшем каменном камине. Напротив него была лестница красного дерева, ведущая на второй этаж. Справа, за деревянной стойкой с резными кораблями, стояла молодая женщина с собранными в пучок волосами и приветливой улыбкой на губах.

– Добрый день, мэм, желаете пообедать? – спросила она, сжимая в пальцах чашку с дымящимся напитком.

Грейс быстро взглянула на настенные часы. Действительно, уже первый час дня. Она и не заметила, как пролетело время.

– Добрый день. Грейс Кемпбелл, полиция Глазго. Мне надо задать вам несколько вопросов относительно одного из ваших постояльцев.

Приветливое выражение моментально исчезло с лица молодой женщины.

– А в чем дело? Ну, то есть... я хочу сказать: чем я могу вам помочь? Господи, вы меня напугали.

– Это не затрагивает вас напрямую, – ответила Грейс, вздрогнув. – Проживал ли у вас в последние дни молодой человек лет двадцати пяти, очень ухоженный, с волосами, покрытыми лаком, с аккуратной бородкой, с татуировками на руках?

– О! Да, да... красивый парень. Очень вежливый, хотя всегда разговаривал с наушниками в ушах и уткнувшись в свой мобильный телефон. Он освободил комнату вчера утром. А что? Он что-то натворил?

– Могу я взглянуть на регистрационную книгу гостиницы?

– Да, разумеется, но, возможно, вы захотите присесть у огня. Если позволите сказать, вы выглядите замерзшей и немного бледной.

Грейс вынуждена была признаться себе, что неважно себя чувствует. Она уже больше девяти часов была на ногах и подвергла свое тело серьезному испытанию.

Она приняла приглашение, сняла мокрую парку и протянула ноги к умиротворяющему огню. И сразу же почувство-

вала удовольствие от тепла, которое подчеркнуло весь масштаб напряжения, накопленного ею с раннего утра. Хотела она или нет, но это дело за несколько часов выжало из нее больше сил и энергии, чем все прочие, которые она расследовала за свою карьеру.

– Вот регистрационная книга. Интересующий вас клиент записался под этим именем.

Грейс взглянула на строчку, на которую указывала ногтем хозяйка гостиницы: Стивен Карлоу.

– Вы проверили его паспорт?

– Да.

– Какое у него подданство?

– Британское.

Грейс тут же позвонила своему начальнику и изложила ситуацию, удаление мозга у жертвы, роль брата Колина, а закончила именем, найденным в регистрационной книге гостиницы.

Она услышала щелканье клавиатуры компьютера.

– Стивен Карлоу?

– Да, К-А-Р-Л-О-У.

– Твою мать.... пусто! Наверняка имя вымышленное. Ни в Шотландии, ни во всей Великобритании нет ни одного Стивена Карлоу.

– В ближайшее время в моем распоряжении будет фоторобот, и, возможно, эксперты что-нибудь обнаружат. А группа, направленная обыскать последнее известное местожи-

тельство жертвы, представила отчет?

– Да, квартира абсолютно пуста. Никакой мебели. Ничего. Консьержка сказала, что перед отъездом жилец все распродал. Этот Антон Сьюйак явно намеревался прожить в этом монастыре продолжительное время.

– Есть на него еще что-нибудь?

– Я поручил одной женщине из моей группы разыскать, откуда он приехал, где работал, есть ли у него семья и так далее. Она тебе сразу позвонит, если что-нибудь найдет. Она известна тем, что не упускает ни одной мелочи, вот увидишь. Ладно, а у тебя как? Ты узнала, почему этот Сьюйак забился в такую дыру?

– Нет. Пока еще нет.

– Так что, ты сразу вышла на след?

Грейс терпеть не могла, когда у нее требовали отчета по только что начатому делу. Ей надо было, чтобы ее оставили работать спокойно, не докладывая каждую минуту.

– На несколько. Кстати, у нас в управлении есть сотрудники, разбирающиеся в науках, в первую очередь в математике и астрофизике?

– Среди компьютерщиков иногда попадаются поразительные знатоки. Попробую тебе кого-нибудь найти. А что?

– Я обнаружила рисунки и расчеты, в которых ничего не понимаю. Высылаю тебе снимки.

Эллиот Бакстер ответил не сразу.

– Какая-то проблема? – поинтересовалась Грейс.

– Ну, напоминаю тебе, что мне бы очень хотелось, чтобы это дело не получило огласки. Политикам не нравится, когда чернят имидж Шотландии, это вредит туризму. Так что, чем быстрее ты возьмешь убийцу, тем будет лучше.

– Куда ты клонишь?

– Ты уверена, что не увязла в ненужных деталях? Ты не хочешь сосредоточиться на опросе соседей, проверке камер наблюдения, составлении фоторобота? На конкретных вещах, короче.

Грейс закрыла глаза, чтобы попытаться сохранить спокойствие.

– Я работаю по обеим линиям, Эллиот.

– О'кей, тебе виднее. Я перезвоню.

Грейс нажала на «отбой», переслала начальнику фотографии и вновь обратилась к любезной хозяйке гостиницы:

– Вы можете проводить меня в номер, который занимал Стивен Карлоу?

– Да, разумеется.

Грейс поднялась за хозяйкой на второй этаж, стараясь как можно лучше скрыть смятение, вызванное «очень воодушевляющим» телефонным разговором с Бакстером.

– Уборку уже сделали?

– Ну да... и хорошо сделали.

Грейс надела новую пару перчаток из голубого латекса и вошла в номер.

Запах чистоты и свежести, восхитивший бы ее, будь она

клиенткой этой гостиницы, стал холодным душем для надежд инспектора полиции. Судя по безукоризненному порядку, шансов на обнаружение чистых и пригодных к использованию образцов ДНК оставалось мало.

Для очистки совести она открыла все ящики ночного столика и секретера, все были пусты, бросила взгляд в шкаф, под кровать, в ванную комнату и вышла.

– Заприте дверь на ключ, никому не сдавайте номер и не заходите в него до тех пор, пока его не осмотрят эксперты.

– А... когда они придут?

– Не волнуйтесь, они придут в течение дня.

– Нет, нет, я беспокоюсь не из-за платы за проживание, я немного боюсь того, что они могут там найти.

– Мы будем очень деликатны. У вас в гостинице есть видеокамеры наблюдения?

– К сожалению, нет. Здесь обычно очень спокойно.

Грейс вернулась в салон. За это время ее кресло у камина занял рыжий кот. Он посмотрел на нее круглыми глазами, а она стала смотреть на него, заранее зная, что проиграет этот поединок. Наконец кот зевнул, открыв маленький розовый язычок, потом, как будто это действие отняло у него последние силы, уткнулся мордочкой в лапы и заснул.

– Сгоните его! – предложила хозяйка, улыбаясь.

– Он так удобно устроился, – возразила Грейс, придвигая к камину другое кресло.

Она снова опустилась на мягкое сиденье, чувствуя все

усиливавшуюся головную боль и головокружение. Она дала себе несколько секунд передышки, но недомогание не проходило.

Предупреждение Эллиота Бакстера спровоцировало тревожное покалывание в груди, которое ее теперь не отпускало. В чем-то он был прав: возможно, внимательный осмотр места происшествия и гостиничного номера дадут ценные улики для установления личности и обнаружения убийцы.

Вполне вероятно, портрет получится настолько похожим, что убийцу задержат в ближайшие часы. Но что, если все это ни к чему не приведет? Что у нее останется для продолжения расследования? В первую очередь психологический профиль Антона Сьюяка и установление круга его знакомств; погибший, похоже, знал своего палача, поскольку они были сфотографированы вместе. Затем таинственные исследования, которые, возможно, имели связь с убийством. Но Грейс охотно признавала, что этот аспект дела настолько же расплывчат, насколько и сложен.

И она, почти с ощущением вины за то, что даром тратит время, развернула на нижнем столике карту Хайленда, найденную в рюкзаке Антона.

В ней имелись географические объекты, обведенные черным, в точности как на карте, приколотой к стене в его потайном кабинете. Что же такого там было? Если Антон зачеркнул все, кроме последнего, который обвел кругом и добавил вопросительный знак, значит, он обследовал их в по-

исках чего-то. Но чего?

Это могли быть обычные прогулки в поисках красивых пейзажей, если бы карта не находилась рядом с загадочными расчетами. Какая связь существовала между этими двумя элементами?

Грейс загрузила приложение GPS в надежде узнать больше подробностей об этих географических ориентирах, но не нашла ничего особенного, если не считать того, что согласно показателям уровня высоты эти места были труднодоступными.

– Не хотите что-нибудь выпить или съесть?

Грейс так углубилась в свои размышления, что не слышала, как подошла хозяйка, и поэтому вздрогнула.

Она попросила чаю, а потом нашла номер Департамента по туризму. Представилась, назвала свою должность, и ее быстро соединили с отделом, в котором ей должны были помочь.

– Чем могу быть вам полезен, миссис Кемпбелл? – спросил мужской голос, такой приветливый, что ей на мгновение показалось, что она собирается бронировать туристическую путевку на отпуск.

– Я перешлю вам серию фотографий ряда конкретных мест Хайленда. Мне бы хотелось, чтобы вы мне сказали, что между ними общего. Может быть, там красивые виды? Возможно, они опасны, закрыты для посещений или известны чем-то другим?

– Хорошо, сделаю все, что в моих силах. Пришлите фото по имейлу.

Сотрудник туристического управления назвал адрес своей электронной почты и пообещал Грейс перезвонить в течение часа. Она переслала ему данные в тот самый момент, когда хозяйка гостиницы вошла в салон с подносом в руке.

– Вот ваш чай и несколько печений домашнего приготовления.

– Очень мило, спасибо.

Пока напиток подкреплял Грейс своим теплом, в голове у нее в полном хаосе кружились мысли, словно разгоняемые тем ветром, с которым она столкнулась по приезду на остров. Почему убили Антона Сьюяка и, главное, почему убийца удалил у него мозг? Действительно ли существует связь между научными изысканиями жертвы и этим разрушением его мозга? Не занимался ли Антон Сьюяк под защитой монастырских стен исследованиями, огласки результатов которых кто-то сильно не хотел? Это была одна из возможных версий. Также можно было предположить, что молодой человек спрятался в монастыре, спасаясь от ответственности за преступление, которое совершил сам, а теперь опасался мести. Это предположение совсем не казалось абсурдным, потому что Антон был отнюдь не тем милым юношей и безобидным ученым, каким казался с первого взгляда.

Грейс вдруг обратила внимание, что грызет ноготь, хотя не поддавалась этой нервной привычке по меньшей мере год.

Она тут же положила руку на бедро и снова погрузилась в свои мысли. Минут через тридцать ее отвлек от них телефонный звонок.

– Миссис Кемпбелл, Департамент по туризму Шотландии, отдел Хайленда. Звоню вам, как обещал.

Грейс сразу отодвинулась от спинки и села на край кресла, выпрямив спину, чувствуя, как от нервозности дергается нерв на ноге.

– Ну, что вы нашли?

– Значит, так: похоже, что все места, указанные на присланной вами карте, объединяет один тип ландшафта.

– И что это за тип?

– Это очень древний ландшафт, миссис Кемпбелл. Доисторические пещеры.

13

Когда первое изумление прошло, Грейс захотела узнать больше.

– А можно посетить эти доисторические пещеры?

– Только некоторые из них оборудованы для туризма. Остальные не имеют инфраструктуры, облегчающей доступ в них. Никто не запрещает вам туда войти, но это будет исключительно под вашу ответственность.

– Вы можете мне послать по электронке названия каждой пещеры?

– Я это уже делаю, разговаривая с вами... Скопировать, прикрепить – и вуаля! Письмо должно прийти к вам с секунды на секунду.

– Большое спасибо.

– Но повторяю, будьте осторожны, эти места могут быть очень опасны. К сожалению, у нас каждый год происходят несчастные случаи.

– Спасибо за совет. Хорошего дня.

Грейс положила телефон на столик, и тут ее вновь сотрясла дрожь от поясницы до шеи. На этот раз она сняла ботинки и даже носки, чтобы приблизить мокрые ноги к жару пламени. Она пошевелила пальцами и ступнями.

Кот, по-прежнему возлежавший на соседнем кресле, открыл один глаз, словно прикидывая, не угрожают ли ему ее

движения, после чего снова задремал.

Грейс радовалась огню, позволившему ей немного расслабиться, но недостаточно для того, чтобы прошло напряжение в плечах. Как бы она ни пыталась успокоиться, глядя на колебание языков пламени, копившаяся с самого утра нервозность не проходила.

Какое странное нагромождение разнородных элементов в этом деле, думала она. Сочетание загадочных научных вычислений и доисторических пещер казалось несовместимым. Какую связь Антон Сьюйак установил или пытался установить между ними?

Возможно, Эллиот Бакстер был прав: все это ненужные детали, не имеющие прямого отношения к расследованию.

Грейс, сама того не замечая, снова прикусила ноготь. Она все явственнее чувствовала себя не на высоте. Все дела, что она вела за десять лет работы детективом, прежде чем ее отправили «на чердак», имели вполне классическую форму. Часто это были семейные драмы, в худшем случае – криминальные разборки. Дела могли быть запутанными, мрачными, жестокими, но никогда не заводили в такие странные дебри.

Она хотела открыть электронную почту, чтобы продолжить работу и узнать названия доисторических мест, но заметила, что ее рука дрожит.

Незаметно внутри ее образовалась и увеличивалась жуткая пропасть. Не в силах сконцентрироваться, она неловко

сунула телефон в карман и стала искать отвлечение, все равно какое.

Она хотела погладить кота, но тот лениво слез с кресла и направился к выходу из салона. Позвонить кому-нибудь? В ее жизни не было ни родных, ни друзей, ни приятелей по работе. Таков был ее выбор, клятва, данная ею себе самой в пятнадцать лет. Однако ей было нужно, чтобы кто-нибудь вернул ей веру в себя саму. Сказал, что ни на секунду не усомнился в ней.

По давней привычке она покрутила на пальце кольцо, которое затем с отвращением сняла. Раньше это кольцо успокаивало ее и соединяло с единственным человеком, которому она доверилась, когда вернулась к жизни.

С тех пор она навязывала себе холодное прикосновение этого металла, чтобы не забыть, что тот же самый человек ее предал и что никогда больше она никому не откроет свое сердце. Гарант этого данного ею себе обещания, кольцо с особой жестокостью также напоминало и о ее абсолютном одиночестве.

И тогда, неосознанно, повинувшись древнему инстинкту выживания, она заметила принесенные ей печенки и протянула руку к подносу.

Грейс словно со стороны увидела, что берет одно, потом второе, и еще одно, не обращая внимания на крошки, прилипавшие в углах губ и падавшие ей на блузку. Она почти не жевала печенья, стараясь проглотить их как можно больше,

чтобы заполнить свою внутреннюю пустоту.

За какую-то минуту она съела целую тарелку. Но этого ей было мало. Она заказала обед, выбрав самое плотное и самое жирное блюдо. Грейс чувствовала, как подкатывают слезы, стыдилась своего срыва, которого так долго боялась, но не могла удержаться. Она должна была заполнить пустоту внутри, образовавшуюся из-за отсутствия любви или дружеской привязанности.

Она отряхнула блузку, вытерла рот и постаралась сдержаться и не сразу наброситься на блюдо, принесенное любезной хозяйкой гостиницы.

– Да, морской воздух вызывает зверский аппетит, – сказала та, не подозревая, какая драма разыгрывается у нее на глазах.

Грейс поблагодарила ее быстрой улыбкой и накинулась на овощи, соус, цыпленка и его жирную шкурку, прерываясь только для того, чтобы откусить хлеб. Потом она откинулась на спинку кресла, нижняя челюсть болела из-за быстрого пережевывания, а щеки горели от жара большого количества калорий. Тяжелый живот был похож на полный бурдюк, сердце подкатило к горлу. Грейс закрыла лицо руками, охваченная злостью и отчаянием. Она считала, что вылечилась.

Звонок мобильного вырвал ее из привидевшегося ей кошмара. Рука зависла над блюдом, по-прежнему полным печений. Стол был чистым, никаких следов еды, ни одна крошка не запачкала ее одежду. Однако ей было очень плохо, как

будто она наяву съела все это. Выбитая из колеи, Грейс механически ответила на звонок.

Офицер Гамильтон, оставленный наблюдать за братом Колином, звонил сообщить ей, что монах очнулся и готов помочь в составлении фоторобота предполагаемого убийцы.

Слишком потрясенная, чтобы разговаривать, Грейс ограничилась несколькими односложными ответами, чтобы подтвердить, что она поняла, и закончила разговор.

Это расследование заставило ее настолько усомниться в своих силах, что она оказалась на краю бездны, населенной ее старыми демонами. Значит, она такая посредственность, что малейшая трудность лишает ее веры в собственные силы?

Злясь на саму себя, Грейс встала и посмотрела в окно на море, выбрасывавшее пену на скалы, торчавшие вдоль единственной улочки деревни. Она поискала номер Эллиота Бакстера. Возможно, он прав, для этого дела требуется кто-то более сообразительный, более образованный и находящийся в лучшей физической форме, чем она. Ради пользы дела и в собственных интересах ей следует отказаться от продолжения расследования и вернуться к себе, к своим книгам и успокаивающему одиночеству.

Она уже поднесла палец к иконке вызова, как вдруг вернулся рыжий кот. Он прошелся по салону ленивой походкой, и при этом его живот раскачивался слева направо, как маятник. Остановился, посмотрел по сторонам с видом, показав-

шимся Грейс усталым. Как будто он ожидал найти нечто новое в рутине повседневности, но увидел, что ничего не изменилось и не изменится. Он неспешно влез на кресло, свернулся в клубок и закрыл глаза.

Грейс медленно отодвинула палец от телефона, вихрем пронеслась по помещению, купила готовый сэндвич, поблагодарила хозяйку и, выбежав из гостиницы, широкими шагами направилась к монастырю.

Она в несколько укусов расправилась с сэндвичем, и тут на остров снова обрушился ливень. Она не стала защищать лицо, предоставив дождю охладить ее горящие щеки, стекать по ее шее и напоминать ей, насколько она живая.

Наэлектризованная импульсом, встряхнувшим ее при взгляде на бесцельно бродящего кота, Грейс всеми силами души ухватилась за эту руку помощи, протянутую ей судьбой, и отбросила все свои сомнения. Она знала, что они возвратятся, но на данный момент ей удалось их отогнать.

Сосредоточившись на удержании хрупкой победы над унынием, она едва не оставила незамеченными две черные фигуры, приближавшиеся к монастырю. С того места, где она находилась, узнать их было невозможно. Кто это?

Предчувствуя дурную весть, Грейс изо всех сил побежала вниз по склону.

Пробегая по Дороге мертвых, Грейс узнала полицейскую форму. Стало быть, Эллиот Бакстер уже предал ее и прислал офицеров ей на замену? Пока Грейс добежала до входа в монастырь, им уже открыли, и она едва успела всунуть ногу в щель, чтобы не дать двери закрыться. У встретившего ее аббата Кэмерона был такой вид, как будто он совершенно не понимал, что происходит.

Грейс рассмотрела двоих полицейских. Она их не знала, а главное, на них были черные фуражки с околышем в черно-белую шахматную клетку, то есть они не были инспекторами.

– Грейс Кемпбелл, инспектор управления полиции Глазго. Вы кого-то ищете?

– Инспектор, – козырнул ей один из двоих мужчин, седоволосый, с толстой шеей, очень удачно сочетавшейся с его упрямым видом, – я офицер Шеперд из округа острова Малл. Нам стало известно, что сотрудники национальной полиции высадились на этом острове и направились к монастырю. Мы прибыли узнать, что случилось.

– Кто вас известил?

– Четыре офицера полиции и сопровождающая их группа с большими чемоданами, такое, знаете ли, в наших краях не остается незамеченным.

Грейс успокоилась, узнав, что ее начальник непричастен к их приезду.

– Подтверждаю вам, что офицерам из Глазго и мне самой поручено расследование убийства, – заявила она.

– При всем уважении к вам, инспектор, вы на нашей территории, и мы не можем игнорировать столь важный факт. Тем более что мы отлично знаем район и наверняка сможем оказать вам ценную помощь.

Эллиот Бакстер выразился ясно: избежать огласки дела. Но теперь, когда местная полиция была в курсе, она не отступится, пока не узнает, что произошло на самом деле. Грейс не могла открыто врать этим людям; не было у нее и полномочий приказать им покинуть монастырь. К тому же этот офицер был прав. Возможно, они могли бы ей помочь.

– Я введу вас в курс дела, но, офицер Шеперд, при всем моем уважении к вам, от вас не должна просочиться никакая информация. Вы меня поняли?

– Разумеется. Иначе и быть не может.

Она знала людей этого типа, отвечающих заученными фразами, но, если хотела воспользоваться помощью местных коллег, ей не оставалось ничего другого, кроме как довериться им.

– Брат Кэмерон, мне необходимо побеседовать с этими джентльменами с глазу на глаз.

– Да, понимаю. Я побуду с братом Колином, – кивнул он и удалился.

Убедившись, что никто не может их услышать, Грейс сообщила местным полицейским основные данные по расследованию.

– После осмотра места происшествия мы скажем, как сможем вам помочь, – заключил офицер Шеперд.

Грейс указала им путь к жилым помещениям постояльцев монастыря, а сама вернулась в медпункт. По пути она позвонила своим коллегам, чтобы те пропускали полицейских с острова Малл во все помещения монастыря, за одним исключением: потайного кабинета Антона, о котором они не должны были знать. Она хотела, чтобы местные власти сосредоточились на установлении личности и задержании убийцы, а не на деталях, значения которых она сама еще не понимала.

– Передвиньте шкаф, чтобы он закрыл потайной ход, и ни слова об этом подземелье, – приказала она офицеру, дежурившему на месте.

Когда она вошла в медпункт, офицер, приставленный наблюдать за братом Колином, встал и доложил:

– За исключением аббата Кэмерона, разговаривавшего со свидетелем, и доктора Биссета, оказавшего ему помощь, в помещение никто не входил и не выходил, инспектор. Ноут для составления фоторобота вон там, – добавил он, показывая на стол.

– Спасибо, офицер Гамильтон.

Грейс подошла к лежащему молодому монаху. Аббат

Кэмерон уже сидел возле него, а доктор Биссет составлял отчет, устроившись за ночным столиком по другую сторону кровати.

– Как он? – спросила Грейс.

– Вы хорошо прицелились: кость не повреждена, артерия не задета, но ему придется заново учиться ходить. Пулю я положил в пакетик и опечатал его. Я приложу ее к отчету, который сейчас составляю. Как зовут вашего начальника?

– Эллиот Бакстер, национальная полиция Глазго. Спасибо, что пришли так быстро, доктор, и помогли ему.

Грейс приблизилась к брату Колину.

– Как вы себя чувствуете?

– Я ничего не чувствую...

– Вы сможете помочь составить портрет?

– Думаю, да.

Она с помощью аббата Кэмерона посадила его и подложила под спину подушки. Затем взяла ноутбук, установила режим видеоконференции с соответствующим отделом полицейского управления в Глазго и повернула экран к молодому монаху.

– Оставляю вас в их руках, брат Колин.

– Инспектор, мне бы хотелось кое-что вам сказать, – вступил в разговор аббат Кэмерон. – Наедине.

Пока брат Колин общался с полицейским художником, они вышли из медпункта.

– В чем дело?

– Инспектор, я не решился сказать вам это в присутствии двух полицейских с острова Малл, но вскоре после вашего ухода в дверь монастыря постучался журналист.

Волнение молнией наэлектризовало Грейс.

– Что он вам сказал? – спросила она, на мгновение прикрыв рот рукой.

– Что он в курсе приезда к нам полицейских и что хотел бы узнать о происходящем больше. Разумеется, я ему ничего не сказал. Он настаивал, и мне пришлось проявить твердость, чтобы его выставить.

– Вот, значит, как все было, – задумчиво произнесла Грейс. – Журналист, возможно, от своих информаторов в порту первым узнал о том, что в монастыре полиция. Поскольку от вас он ничего больше узнать не смог, предупредил своих приятелей из местной полиции, которые ему помогут, подкинув пару-тройку фактов для его статьи... Вопреки моему приказу никому ничего не рассказывать.

Побуждаемая рефлексом дисциплинированной ученицы, желающей понравиться преподавателю, Грейс собралась позвонить Эллиоту Бакстеру, чтобы попросить его вмешаться и предотвратить дальнейшую утечку информации.

Но тихий голос внутри, похожий на мяуканье, посоветовал ей думать самой. В конце концов, это ее расследование, она на месте преступления, она лучше чувствует обстановку. Ее начальник думает только о политике. Он работает из страха, она – проявляя смелость. Единственное, что имеет

для нее значение, – арест убийцы. И наплевать, если это нанесет урон имиджу Шотландии. Он, этот самый имидж, пострадает еще сильнее, если через год станет известно, что дело замяли, а преступник все еще гуляет на свободе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.